

ЦИФРОВЫЕ ПОДХОДЫ К «КАМЕР-ФУРЬЕРСКОМУ ЖУРНАЛУ» В. Ф. ХОДАСЕВИЧА*

«Камер-фурьерский журнал» (далее — КФЖ) В. Ф. Ходасевича — уникальный источник сведений об истории русской эмиграции. Он представляет собой краткие подневные записи за 17 лет (с 1922 по 1939 год; всего 4694 дня) жизни Ходасевича за границей. Ходасевич начал вести КФЖ со дня приезда в Берлин (30 июня 1922 года) и закончил заполнять его буквально перед смертью. Записи в КФЖ — конспективные заметки о том, что Ходасевич делал в этот день, где бывал и с кем встречался. Например, выбранная наугад запись выглядит так: «**9, среда.** За покупками. / В Возр.〈ождение〉 (Гукасов, Городецкая). / В. Зайцева. — К Кнуту. С ним в кафэ. В Murat (Вишняки, Ася, Алданов, Руднев, Керенский, Зензинов, Полонские, Рубинштейн). /» (март 1932 года).¹ Благодаря систематичности записей КФЖ приближается к жанру «летописи жизни и творчества»,² составленной самим участником литературного процесса.³ Соответственно

* Авторы выражают признательность Н. А. Богомолу за консультации в процессе написания работы, Л. Ливаку, И. Каспэ и А. Шеле за замечания и добавления, возникшие при прочтении чернового варианта статьи. Все недочеты работы остаются на совести авторов.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 году.

¹ Ходасевич В. Ф. Камер-фурьерский журнал / Вступ. статья, подг. текста, указатель О. Р. Демидовой. М., 2002. С. 189. Далее ссылки на записи по этому изданию приводятся в тексте без указания номера страниц, но всегда с указанием даты записи.

² Впрочем, жанровая маркировка КФЖ требует уточнения. Название и формат КФЖ отсылают к придворным камер-фурьерским журналам, в которых фиксировались события придворной жизни. По предположению публикатора, КФЖ Ходасевича — в силу смысловой насыщенности при внешней краткости записей — сближает источник с дневниками великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I), «представляющих собой краткие, иногда в одном слове, отметки о часе пробуждения, выездах, приемах, встречах, разговорах — официальных и интимных (...); лишь иногда проскользнут два-три слова, намеком характеризующие ту или иную встречу, тот или иной разговор» (Демидова О. Р. О камер-фурьерских журналах и о журнале Ходасевича // Ходасевич В. Ф. Камер-фурьерский журнал. С. 15). Вместе с тем Демидова справедливо отмечает, что в КФЖ проявляется несколько жанров — «в нем переплетаются характеристики дневника, записной (памятной) книжки, делового ежедневника и регистрационной книги» (Там же. С. 20).

³ В решении подневно фиксировать происходящие события проявляется установка Ходасевича на будущего историка литературы. Хотя анализ причин, по которым поэт обратился именно к такому формату фиксации своей жизни, требует специального изучения, выскажем ряд предварительных соображений. Обращение к жанру камер-фурьерского журнала предполагает, что попадающие в текст события обладают предельной исторической значимостью и достойны того, чтобы быть зафиксированными во всей полноте. Подобное отношение к жизни русской диаспоры, по всей видимости, связано с тем, что незадолго до отъезда в эмиграцию Ходасевич плотно занялся историей русской поэзии. Именно в первой половине 1920-х годов будет создано большинство очерков, которые войдут в книгу «Поэтическое хозяйство Пушкина» (Л., 1924), и, хотя эти очерки — не первые публикации Ходасевича-историка литературы, именно в

КФЖ позволяет как нельзя более подробно изучить историю знакомств Ходасевича и окружение поэта в период расцвета литературы русской эмиграции.

По замечанию Н. А. Богомолова, «по-настоящему, конечно, этот текст необычайно важен только для тех, кто изучает жизнь Ходасевича, поскольку он целиком и полностью ориентирован на запись того, что произошло с ним и только с ним. Ни откликов на политические события, ни фиксации чего-то происходящего в культурной жизни русского Берлина или Парижа, ни даже собственных переживаний мы в тексте не найдем».⁴ Эта точка зрения во многом справедлива: КФЖ трудно использовать для изучения истории литературы и культуры диаспоры, зато тем исследователям, которые обращаются к жизни и творчеству Ходасевича в эмиграции, он способен предоставить ценные сведения.⁵

Однако это мнение может быть несколько скорректировано с привлечением новых для литературоведческих исследований методов. Хотя Ходасевич по-прежнему будет оставаться центральной фигурой, думается, что предложенные в этой статье подходы позволяют увидеть в КФЖ важный источник для истории эмигрантской литературы и особенно для ее социальной организации. В самом деле, КФЖ являет собой подробную фиксацию состояния литературного поля или, точнее, его сегмента на протяжении 17 лет.⁶ Хотя этот сегмент зафиксирован с субъективной точки зрения (это сведения не обо всех эмигрантских писателях, а лишь о тех людях, которые входили в сферу внимания автора КФЖ; см. ниже раздел «Кого нет в сети Ходасевича?»), он объективно информативен для историков эмиграции благодаря принципиально важной (если не сказать — ключевой) роли Ходасевича в литературном процессе.⁷ По сути, КФЖ содержит детализированную и поч-

ранные годы эмиграции они играли существенную роль в его биографии. В эмиграции Ходасевич также освоил жанр воспоминаний, часть его мемуаров, рассчитанных на будущего историка литературы русского модернизма, войдет в книгу «Некрополь» (1939), а многие останутся на страницах газет и журналов. Отношение к современному литературному процессу как к явлению, достойному историко-литературного изучения, по-видимому, является одним из основных импульсов ведения КФЖ. Кроме того, поэтика КФЖ, во многом ориентированная на аналогичные источники XVIII—XIX веков, вероятно, связана с тем, что именно эта эпоха (от Державина до Герцена) являлась областью символических проекций Ходасевича. Создавая специфический дневник, напоминающий о текстах XVIII—XIX веков, Ходасевич как бы переносился в ту эпоху, видя, если несколько огрублять, в эмигрантском изводе «серебряного века» проявления «века золотого».

⁴ Богомолов Н. А. [Рец.] Ходасевич Владислав. Камер-фурьерский журнал // Toronto Slavic Quarterly. 2002. № 1. См.: <http://sites.utoronto.ca/tsq/01/bogomolov.shtml#hodasevich> (дата обращения: 30.04.2018).

⁵ Как правило, КФЖ используется для уточнения знакомства Ходасевича с тем или иным литератором или же для уточнения даты предполагаемого разговора с гипотетически повлиявшим на поэта человеком. КФЖ регулярно используется в исследованиях Н. А. Богомолова (см., например: Богомолов Н. А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011), обращается к нему и биограф поэта В. И. Шубинский (Шубинский В. И. Владислав Ходасевич: чающий и говорящий. СПб., 2011). В некоторых случаях КФЖ позволяет уточнить гипотезы, относящиеся к поэтике. Так, например, он позволил подкрепить догадку о возможном влиянии П. Г. Антокольского на стихотворение Ходасевича 1925 года «Из дневника» (Успенский П. «Из дневника» В. Ходасевича: заметка о генезисе двух образов стихотворения // Русская филология. 24. Тарту, 2013. С. 200—208).

⁶ Здесь и далее мы обращаемся к понятиям «литературного поля», «символического капитала» и «признания» в интерпретации П. Бурдьё (Бурдьё П. Поле литературы // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005. С. 365—472).

⁷ Здесь необходимо обратить внимание на еще одну выгодную для исследования особенность документа. В отличие от других дневников и эго-документов, а также от составленных учеными летописей жизни и творчества, мы имеем дело с почти полной фиксацией всех встреч и контактов автора. КФЖ, таким образом, снимает проблему неполноты информации. Так, летопись жизни и творчества любого писателя естественным образом содержит лакуны, поскольку

ти нефильТРованную информацию о литературной жизни эмигрантского общества, увиденной глазами Ходасевича.

Однако эта информация не лежит на поверхности. Сквозное чтение КФЖ или целенаправленный поиск упоминаний того или иного человека не может дать объемного представления о структуре и динамике писательского сообщества в эмиграции. Очевидно, что для этих целей КФЖ в целом не поддается традиционной «ручной» обработке, так как содержит слишком много достаточно раздробленных сведений. Таким образом, само устройство КФЖ подталкивает к поиску оптимального способа анализа такого источника. Для того, чтобы объемные сведения из КФЖ начали отражать социальные закономерности и структуры эмигрантского сообщества, необходимо вооружиться принятыми в естественных науках приемами анализа данных. Мы решили прибегнуть к методам анализа сложных сетей (complex networks), совместив их с базовым статистико-социологическим подходом. По нашему убеждению, в данном случае использование этой методологии приводит к важным историко-литературным выводам.

Последнее время сетевой анализ часто используется в филологии и истории, он является одним из самых заметных разделов цифровых гуманитарных наук (digital humanities). Этот инструментарий лежит в основе заметного числа исследований как художественной литературы (в этих случаях предмет имманентного изучения — художественное произведение⁸ или корпус произведений⁹), так и исторической реальности (сюда относится формализация кругов общения, чему посвящена и наша работа). Так, в 2010 году была опубликована книга Р. Дарнтон «Поэзия и полиция»,¹⁰ в которой бла-

ку не все документы сохранились, а какие-то события или отношения и вовсе не были задокументированы. Если же говорить о дневниках и других эго-документах, то очевидно, что при отсутствии установки на объективную фиксацию всех встреч и контактов автор дневника может не сообщать об одних встречах, а роль других встреч, наоборот, преувеличивать. Хотя мы не можем быть полностью уверены, что КФЖ действительно фиксирует все социальные контакты Ходасевича (см. подробнее ниже, раздел «Кого нет в сети Ходасевича?»), ясно, что в нем проявилась установка именно на документирование жизни, а не на конструирование дневникового нарратива о ней.

⁸ Прежде всего, см. программную и дискуссионную статью Ф. Моретти о визуализации «Гамлета» и анализе получившейся сети: *Moretti F. Network Theory, Plot Analysis* // *Moretti F. Distant Reading*. London; New York, 2013. P. 211—240 (рус. пер.: *Моретти Ф. Теория сетей, анализ сюжета* // Моретти Ф. Дальнее чтение. М., 2016. С. 288—321). Кроме того, например, на материале «Войны и мира» Л. Н. Толстого при помощи сетевого анализа осуществляется множество цифровых проектов и исследований: от визуализации взаимоотношений героев (см.: <http://voynaimir.com/info/> (дата обращения: 30.04.2018)) до полновесного соотнесения особенностей романа с характеристиками сетей, построенных с помощью автоматически извлеченных данных о связях между персонажами (*Shorinkin D. A. Extracting Character Networks to Explore Literary Plot Dynamics* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». М., 2017. Вып. 16. Т. 1. С. 257—270). Сетевому анализу подвергаются и тексты популярной литературы; см., например, статью о сети, построенной на материале одной из частей романа Дж. Р. Р. Мартина «Песнь льда и огня»: *Beveridge A., Shan J. Network of Thrones* // *Math Horizons*. 2016. Vol. 23. Iss. 4. P. 18—22.

⁹ Например, начато исследование корпусов немецкой, французской, английской и русской драмы, которое полностью основано на методах сетевого анализа: <https://dlina.github.io/> (дата обращения: 30.04.2018); см. статью о немецком корпусе: *Fischer F., Göbel M., Kampkasper D., Trilcke P. Theatre Plays as 'Small Worlds'? Network Data on the History and Typology of German Drama, 1730—1930* // *Digital Humanities 2016. Conference Abstracts* (Jagiellonian University & Pedagogical University, Kraków, 11—16 July 2016). Kraków, 2016. P. 385—387. Исследуются и корпусы принципиально иного рода, например, песни Оссиана: *Yose J., Kenna R., MacCarron P., Platini T., Tonra J. A Networks-Science Investigation into the Epic Poems of Ossian* // *Advances in Complex Systems*. 2016. Vol. 19. Iss. 4—5. DOI: 10.1142/S0219525916500089; см.: <https://pure.coventry.ac.uk/ws/portalfiles/portal/13191119> (дата обращения: 30.04.2018).

¹⁰ *Дарнтон Р. Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века* / Пер. с англ. М. Солнцевой. М., 2016.

годаря реконструкции информационной сети восстанавливаются обстоятельства дела о распространении антиправительственных стихов во Франции середины XVIII века. В Стэнфордском университете был создан большой проект визуализации связей в «Республике писем»,¹¹ сообществе интеллектуалов XVII—XVIII веков. Использование переписки в качестве показателя связи позволило исследователям восстановить географическую сеть распространения мыслей и знаний в эпоху Просвещения. Эта карта связей между интеллектуалами, зачастую жившими в совсем разных странах или на разных континентах, дает много возможностей для изучения эпохи и в то же время для исследования частных случаев (примеры представлены на сайте проекта). Другой проект, «Six Degrees of Francis Bacon»,¹² представляет собой сеть знакомств заметных людей в эпоху Шекспира, Бэкона, Мильтона и Ньютона. В основу сети положены сведения из автоматически обработанного «Оксфордского национального биографического словаря». Визуализация и сайт с удобной навигацией становятся, во-первых, альтернативой «ручному» поиску связей, во-вторых, помогают увидеть панорамный облик сообщества.

М. Л. Майофис и И. В. Кукулин в работе «Анализ социальных сетей в исторической социологии культуры (на материале советской детской литературы 1954—1957 гг.)»¹³ визуализируют и описывают сеть коммуникаций между детскими писателями в 1950-х годах, уделяя внимание каждому звену этого небольшого сообщества. Исследование отличается от других тем, что авторы считают уместным и нужным построение социальной сети, хотя их данные невелики и вполне поддаются (как и в монографии Дарнтона) традиционной «ручной» обработке. Однако, по всей видимости, неоспоримым достоинством моделирования сети оказывается структурная наглядность, полезная для данных любой величины. При этом нужно отметить, что авторы не прибегают к анализу количественных свойств сети, используя ее только в качестве иллюстрации.

Наконец, необходимо упомянуть и исследование, в котором цифровые методы применяются к материалам, связанным с историей русской эмиграции. В рамках недавно появившегося проекта «Digital Émigré» была создана база данных эмигрантской периодики. На этапе презентации были обработаны журналы «Новоселье» и «Новый журнал» за 1940-е годы (Нью-Йорк) и «Синтаксис» и «Континент» за конец 1970-х — 1980-е годы (Париж). Данные о связях между ключевыми авторами и журналами были представлены в виде сети, на графиках же показано жанровое разнообразие в журналах и тенденции цитирования других эмигрантских и советских изданий. Создатели проекта считают своей задачей «объединить филологический подход с социологическими вопросами об устройстве „интеллектуальных” социальных сетей и творческих сообществ».¹⁴

Вне зависимости от отношения к указанным работам (некоторые из них, как например статья Моретти, очевидно, весьма спорные, другие, возможно, слишком много внимания уделяют визуализации, научная, но не житейская ценность которой остается под вопросом), они, очевидно, свидетельствуют о том, что границы гуманитарных наук в последнее время все

¹¹ См.: <http://republicofletters.stanford.edu/> (дата обращения: 30.04.2018).

¹² SDFB Team, Six Degrees of Francis Bacon: Reassembling the Early Modern Social Network. См.: www.sixdegreesoffrancisbacon.com (дата обращения: 30.04.2018).

¹³ Майофис М. Л., Кукулин И. В. Анализ социальных сетей в исторической социологии культуры (На материале советской детской литературы 1954—1957 годов). См.: <https://ssrn.com/abstract=2981561> (дата обращения: 30.04.2018).

¹⁴ Ermolaev N., Gleissner Ph. The Digital Émigré: Russian Periodical Studies and DH in the Slavic Fields // Digital Humanities 2016. Conference Abstracts. P. 786—787.

чаще размыкаются. Использование точных методов и стремление измерить и подсчитать тенденции и закономерности того или иного текста или исторического периода, по всей вероятности, не должны абсолютизироваться. Однако в некоторых случаях сами источники почти не оставляют другого выбора. С нашей точки зрения, именно так обстоит дело и с КФЖ. Для того чтобы достичь заветной цели — написать объективную историю литературы (или по крайней мере историю выбранного периода), данные цифровой обработки КФЖ могут стать надежным подспорьем. Далее мы в порядке возрастающей сложности представим результаты нашего анализа этого эго-документа, предварив их описанием обработки источника.

Обработка КФЖ

Наша задача заключалась в том, чтобы привести КФЖ в структурированный вид. Прежде всего, нужно было очистить КФЖ от неактуальной для нашего исследования информации (названий кафе, издательств и помет о времяпрепровождении типа «за покупками» или «весь день в постели»¹⁵). Для этого мы пользовались автоматическим наложением указателя имен, представленного в приложении к изданию,¹⁶ на текст КФЖ, т. е. фиксировали факт встречи с людьми, которые упомянуты в указателе, а остальные пометы отбрасывали. Кроме того, мы автоматически обрабатывали структурообразующие пометы Ходасевича: люди, которых автор видел одновременно и с которыми, по всей видимости, общался,¹⁷ объединялись в одну группу, часто ограниченную в рукописи косыми чертами. Так, в приведенном выше примере — **«9, среда. За покупками. / В Возр.〈ождение〉 (Гукасов, Городецкая). / В. Зайцева. — К Кнуту. С ним в кафэ. В Murat (Вишняки, Ася, Алданов, Руднев, Керенский, Зензинов, Полонские, Рубинштейн). / »** — выделяются четыре группы, три из которых отделены от первой косой чертой: 1) «Гукасов, Городецкая»; 2) «В. Зайцева»; 3) «Кнут»; 4) «Вишняки, Ася, Алданов, Руднев, Керенский, Зензинов, Полонские, Рубинштейн». Здесь же видно, что в условных обозначениях нет регулярной системы, и некоторые не связанные друг с другом встречи не разделяются косой чертой (как в случае В. Зайцевой и Д. Кнута). При автоматической обработке КФЖ формальным признаком разделения служили только косые черты (как самый частотный маркер). После автоматической обработки корпуса, мы сверяли полученные данные с текстом КФЖ и вручную разделяли разные группы и по другим очевидным маркерам, как в случае с Зайцевой и Кнудом.

¹⁵ Конечно, не актуальными данными, «шумом» эта информация будет только в рамках принятой нами стратегии исследования эмигрантского сообщества. В контексте более широких задач изучения эмиграции и биографии Ходасевича все это остается важными фактами. К «шуму» пришлось отнести и несколько персон, так как идентифицировать их не получилось. В КФЖ два раза появляется «Дурак» (см. записи от 28 мая и 4 июня 1939 года), один раз — «Идиотка» (5 июня 1939 года). В другой записи за обычным перечислением следует загадочный список (шифр? творческий план? намеренная бессмыслица?): «Рузвельт, Хмара, Наполеон, Чарли Чаплин, герц.〈ог〉 Виндзорский, Адам, Агасфер» (26 апреля 1939 года).

¹⁶ Ходасевич В. Ф. Камер-фурьерский журнал. С. 373—462.

¹⁷ КФЖ не позволяет однозначно ответить на вопрос, общался ли Ходасевич со всеми записанными в документе людьми. Для нас принципиально важно, что Ходасевич опознает членов своего окружения в лицо и знает их фамилии. Мы в целом исходим из того, что с подавляющим большинством упомянутых в КФЖ персон у Ходасевича осуществлялся акт коммуникации. Детализировать степень доверительности отношений, однако, не всегда удается — актом коммуникации может быть как (сухое) приветствие, так и дружеский разговор. Для целей и задач настоящей статьи в дополнительной нюансировке близости персон нет необходимости.

Приведенный пример позволяет оговорить и другие сложности, возникшие при систематизации материала. Поскольку нам было необходимо получить информацию об общении с каждым отдельным человеком, следовало унифицировать наименования людей, если сразу несколько человек были указаны под одной фамилией. Так, в группе № 4 есть два таких случая: Вишняки и Полонские. Опираясь на указатель¹⁸ и на справочную литературу о русской эмиграции, Полонских мы записывали как «Полонский» и «Полонская» (речь идет о библиофиле и журналисте Я. В. Полонском и его жене, поэтессе и критике, Л. А. Полонской, которая была сестрой М. Алданова). Аналогичным образом, Вишняки — это редактор журнала «Современные записки» М. В. Вишняк и его жена М. А. Вишняк. Теоретически возможно допустить, что Вишняки — это уже упомянутый М. В. Вишняк и его племянник А. Г. Вишняк (связанный с издательством «Геликон»). Однако, как правило, А. Г. Вишняк обозначался как «А(бр). Вишняк», и это позволяет нам считать, что выше речь идет о супружеской паре.

При этом в некоторых случаях мы не можем сделать точного заключения, о ком идет речь. Так, в записи от 1 февраля 1936 года мы читаем «Абрам — Вишняки». Здесь, очевидно, речь идет об А. Г. Вишняке и о М. В. Вишняке. Но мы не знаем, имелась ли в виду и жена М. В. Вишняка. Мы исходили из того, что такой записью Ходасевич обозначил дядю и племянника, не включая в это множество М. А. Вишняк. Таких сложных, не поддающихся однозначной трактовке, случаев в КФЖ довольно много: Ходасевич писал о хорошо знакомых ему людях и поэтому не унифицировал их имена и фамилии, всякий раз понимая (в отличие от нас), о ком идет речь. Но поскольку наша задача заключалась в унификации списка персон, упомянутых в КФЖ, мы были вынуждены, основываясь на контексте и характере записей, принимать однозначные решения.¹⁹ Мы признаем, что ряд наших решений может быть ошибочным и приводить к некоторому смещению статистических результатов, но мы надеемся, что эти потенциальные ошибки не сильно влияют на общие тенденции и закономерности.

Таким образом, информация о ежедневных встречах Ходасевича на протяжении 17 лет была превращена в структурированные данные, в которых отражаются все группы общения, сформированные по вышеописанному принципу. Такая форма дает возможность проследить изменение интенсивности коммуникации автора КФЖ с тем или иным человеком. Этот резуль-

¹⁸ К сожалению, указатель КФЖ грешит многими неточностями. При его обработке мы учитывали замечания Н. А. Богомолова в рецензии на издание КФЖ (*Богомолов Н. А.* [Рец.] Ходасевич Владислав. Камер-фурьерский журнал). См. также ниже, прим. 19.

¹⁹ Приведем здесь еще несколько сложных случаев. В КФЖ под одной фамилией иногда фигурируют три брата Оцупа: Н. Оцуп, С. Горный и Г. Раевский (есть обозначения «Оцупы» и «Г. Оцупы»). Поскольку Раевский обычно появляется отдельно и записывается как «Раевский», мы сочли возможным понимать «Оцупов» как Н. Оцупа и С. Горного; «Г. Оцупы» же расшифровывается, скорее всего, как обозначение Г. Раевского и его жены Иоханны. Не всегда ясно было, кто подразумевался под «Познерами» и составлял центр этого «семейного множества» — отец (С. В. Познер, общественный деятель, секретарь Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции) или сын (В. С. Познер, тогда молодой поэт). Оба иногда дифференцированы в КФЖ с помощью инициала, но в случаях, когда никаких подсказок не было, мы принимали решение считать «Познеров» обозначением сразу отца и сына, поскольку они оба, по-разному, могли быть важны для Ходасевича. Иногда приходилось вводить дополнительных персон, не представленных в указателе. Так, запись «2 Фельзена — бридж» отсылает к Ю. Фельзену и, вероятно, к его брату (о присутствии брата и других членов семьи Фельзена — дяди, матери, сестры — мы узнаем из других записей в КФЖ; например, от 26 января 1936 года — «Фельзен, его брат — бридж»). И напротив, приходилось отказываться от лишних вариантов, предложенных в указателе. Часто упоминаемым «Варшавским» мог быть только прозаик и критик В. С. Варшавский, так как другой кандидат на это обозначение, юрист и публицист С. И. Варшавский, жил в Чехословакии.

тат представляется достаточно простым и отвечающим тем же исследовательским запросам, что и при «ручном» использовании. Впрочем, теоретически информация в таком виде может быть наглядной и полезной для биографических разысканий: извлеченные из КФЖ данные помогают посчитать частотность встреч Ходасевича с интересующей исследователя персоной.²⁰

Рассмотрим полученные данные в разных контекстах.

Описательная статистика

Данные КФЖ показывают общую динамику общения Ходасевича в эмиграции. За все годы эмиграции в КФЖ фиксируется знакомство с 935 персонами.²¹ Подсчитать, какой это составляет процент от всей эмиграции, представляется затруднительным, поскольку мы до сих пор не обладаем точными данными об уехавших из Советской России. Вместе с тем, благодаря исследованию К. Гусефф, у нас есть данные переписей населения во Франции, которые позволяют вывести суммарное количество русских эмигрантов в межвоенные годы. Так, известно, что в 1926 году во Франции было 67 220 русских и 5 800 лиц русского происхождения, получивших французское гражданство. Перепись 1931 года зарегистрировала 82 900 лиц, включая получивших французское гражданство. Наконец, последняя перепись, о которой сообщает исследовательница, фиксирует, что в 1936 году во Франции проживало 64 тысячи русских и 13 800 французских граждан русского происхождения.²² Соответственно, среднее число эмигрантов во Франции (включая прошедших натурализацию) составляет около 78 тысяч человек (77 906). Если мы, не вполне закономерно, не будем выделять среди контактов Ходасевича берлинские связи, то станет понятно, что КФЖ охватывает примерно 1,2 % от всех учтенных русских эмигрантов, проживающих во Франции.

Помимо информации об общем количестве людей, упомянутых в КФЖ, мы можем привести данные о числе людей за каждый год (см. график 1). Такое разделение дает нам возможность чуть более точно оценить удельный вес эмигрантского сообщества вокруг Ходасевича. Согласно данным Гусефф, «в 1926 году число лиц русского происхождения достигало здесь (в департаменте Сена. — Б. О., П. У., В. Ф.) примерно 45 тыс.»²³ Количество записанных в КФЖ людей в этом году — 176. То есть речь идет лишь о долях процента (0,4 %).

²⁰ Например, таким способом можно «измерить» дружбу. Проверив, сколько раз встречается имя в КФЖ, мы узнаем, что московский соученик Ходасевича А. Тумаркин записан 158 раз, Ю. Терапиано — 207, А. Бахрах — 641, а В. Вейдле — рекордные 1046.

²¹ Не-эмигрантами, входившими в круг общения Ходасевича, по данным КФЖ, были всего 7 человек: официантка Mariéschen, некий Ненгу, французский славист Поль Буайе, переводчик Вольфганг Греггер (он перевел на немецкий поэму Блока «Двенадцать»), французский врач Левен, итальянский славист Этторе Ло Гатто (Ходасевич встретился с ним 9 апреля 1924 года, во время поездки в Италию) и В. Парис, французский чиновник, занимавшийся делами русских эмигрантов. Разделение на эмигрантов и не-эмигрантов (европейцев), таким образом, кажется не вполне нужным и показательным: в культурно-языковом смысле большинство перечисленных людей тесно связаны с Россией. Кроме того, переплетение гражданств и культур в реальности было еще более замысловатым. Например, Ходасевич в эмиграции много общался с пакистанским поэтом Х. Сураварди, знатоком русского языка и русской культуры, несколько лет прожившим в Советском Союзе.

²² Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920—1939 годы) / Пер. с фр. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссенгер. М., 2014. С. 117.

²³ Там же. С. 138.

Как мы видим, список людей, упомянутых в КФЖ, количественно покрывает очень небольшую часть лиц русского происхождения, проживавших во Франции. Современные социологи сходятся в том, что важна не столько величина выборки, сколько ее качество. Опрос именно разнообразной и представительной выборки обладает большей предсказательной силой.²⁴ Персоны, с которыми общался Ходасевич, составляли литературный центр эмиграции, т. е. принадлежали к эмигрантской элите. Поэтому стоит сравнить КФЖ со статистическими данными еще раз, уже по более релевантной мерке, касающейся элит.

К сожалению, и здесь мы не располагаем какими-либо исчерпывающими сведениями, однако Гусефф упоминает статистику переписи 1926 года, связанную с людьми свободных профессий, к которым, согласно французской номенклатуре, относились юридические профессии, частное образование, служители культа, компании, эксперты, технические работники, литература и искусство, медицинские профессии.²⁵ Известно, что в 1926 году 10 % «от числа работающих русского происхождения» были заняты в сфере свободных профессий (причем «из них две трети — в Париже и области»)²⁶. Хотя Гусефф не приводит полных данных переписи, и, соответственно, мы не можем знать, каков процент работающего населения от общего количества эмигрантов, мы опять же приблизительно можем посчитать количество людей «умственного труда» в Париже. Если перепись 1926 года, напомним, фиксирует 73 020 русских эмигрантов, то всего люди умственного труда составляют 7 302 человек, из них в Париже — около 4 868 человек. Сопоставление этих данных с КФЖ за 1926 год показывает, что Ходасевич в этом году общался примерно с 4 % (3,6 %) представителей «свободных профессий» (мы исходим из того, что подавляющее большинство людей в его круге общения занимали именно эту социальную нишу).

Хотя полученные результаты очень приближительны, отметим, что наблюдаемая тенденция кажется вполне правдоподобной: Ходасевич знает очень малое количество людей относительно всех эмигрантов во Франции (1,2 %), зато, как видно на примере 1926 года, в разы больше он знает людей «свободных профессий», осевших в Париже и окрестностях (около 4 %).²⁷ При этом указанные 4 %, по-видимому, составляют подавляющее большинство людей, связанных с литературой: КФЖ фиксирует знакомство почти со всеми известными эмигрантскими писателями и журналистами, и не охваченных Ходасевичем литературных кругов среди русской эмиграции во Франции практически не было (см. также раздел «Кого нет в сети Ходасевича?»).

Оставаясь в том же плане общей характеристики КФЖ, рассмотрим теперь количественную динамику общения Ходасевича. На графике 1 видно общее количество людей за каждый год, т. е. каждый столбец отражает суммарное количество контактов Ходасевича за год.

Как мы видим, в количественном аспекте общение Ходасевича было не вполне равномерным, и на графике выделяются пики и спады, которые сто-

²⁴ См.: *Девятко И.* Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1998.

²⁵ *Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции. С. 154.

²⁶ Там же.

²⁷ Для более точечной калибровки у нас практически нет данных, за исключением, пожалуй, случая с адвокатским сообществом. Так, например, объединение русских адвокатов во Франции в 1930 году насчитывало 203 человека (*Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции. С. 157). Понятно, что не все адвокаты, приехавшие из России, входили в эту ассоциацию, но нас интересует хотя бы приблизительный порядок. Всего (за все годы) в КФЖ обнаруживается 26 человек этой профессии, что составляет примерно 13 % (12,8 %) от зафиксированного в 1930 году числа русских адвокатов во Франции.

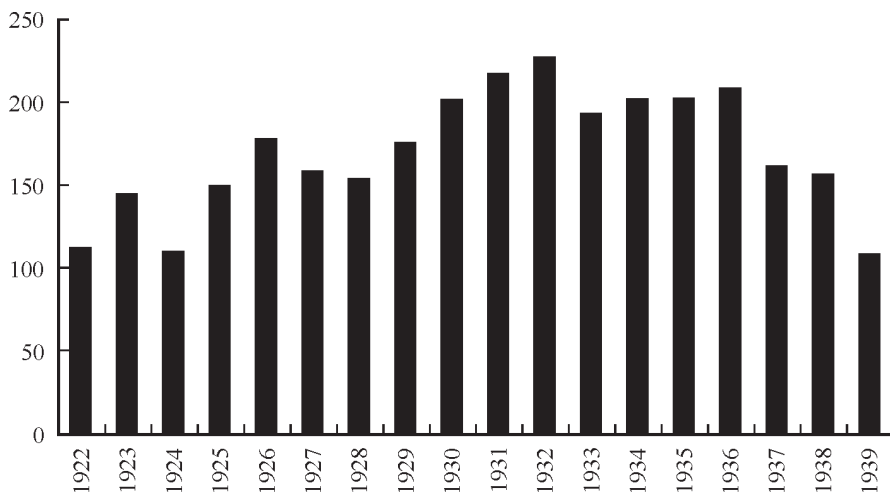

График 1. Количество людей по годам.

ит попробовать объяснить, обращаясь как к биографическому контексту, так и к общим знаниям об истории эмиграции.

С 1922 по весну 1925 года Ходасевич с Ниной Берберовой жили в Германии. Соответственно, небольшое количество людей, с которыми общался Ходасевич, связано с тем, что в 1922 году он налаживал бытовые и профессиональные контакты на новом месте. 1923 год в этом плане оказался более удачным, и мы видим, что общее количество контактов Ходасевича возросло. Однако за этим последовал резкий спад, показатели которого ниже, чем то, что наблюдалось в 1922 году. По всей вероятности, он связан с отъездом многих эмигрантов — некоторые возвращались в Советскую Россию, а некоторые переезжали в другие европейские города.²⁸

Возрастание количества связей в 1925 году, в свою очередь, объясняется комплексным действием двух причин: весной 1925 года Ходасевич с Ниной Берберовой переехали на постоянное жительство в Париж; еще раньше Ходасевич узнал, что он относится к «невозвращенцам».²⁹ Скорее всего, это вынудило его активно налаживать связи на новом месте. Такая тенденция прослеживается и в 1926 году. Интересным образом, в 1927 году фиксируется количественный спад, хотя именно этим годом датируется вы-

²⁸ Так, например, в Москву вернулись Андрей Белый, М. О. Гершензон и Б. Л. Пастернак (он провёл в Берлине 1922—1923 годы). Художник М. В. Добужинский переехал в Литву, а Н. А. Бердяев уже в 1924 году переселился в Париж.

²⁹ «Ходасевич в это время (в 1924 году, во время поездки в Париж перед возвращением к Горькому в Сорренто. — *Б. О., П. У., В. Ф.*) уже знал, что его имя было в числе других в списке высланных в 1922 году из России писателей и профессоров — нескольких сот человек (когда мы уже были в Берлине), и понимал, что не только возврата быть не может, но что скоро нельзя будет даже и печататься в русских изданиях. То, что он был в списке, только подчеркнуло что-то в его сознании, зачеркнуло возможность возврата домой и начертило первый рисунок будущего» (*Берберова Н. Н. Курсив мой: Автобиография / Предисловие А. Кузнецовой. М., 2016. С. 252*). Указанные Берберовой факты не соответствуют действительности: на самом деле, Ходасевич не был включен в список высланных в 1922 году, и этот факт, по-видимому, стоит рассматривать только как элемент автобиографического мифа Ходасевича. См. подробнее: *Богомолов Н. А. Как Ходасевич становился эмигрантом // Богомолов Н. А. Сопражение далековатых. С. 210—212.*

ход в свет итогового «Собрания стихотворений» и активная полемика с Г. Адамовичем.³⁰

Годы с 1928 по 1932 отмечены увеличением количества связей Ходасевича, что коррелирует с возрастанием, по данным К. Гусефф, количества эмигрантов во Франции с 1926 по 1931 годы в целом на 10 тысяч человек (т. е. на 13 %).

Резкий подъем общения в 1932 и не менее резкий спад в 1933 году, по-видимому, объясняется драматическими обстоятельствами в биографии Ходасевича: 26 апреля 1932 года от него ушла Нина Берберова. Можно предположить, что наивысшее количество связей именно в 1932 году легко объясняется психологически: с конца апреля Ходасевич не мог оставаться наедине с собой и постоянно искал общения (если прибегать к распространенной психологической терминологии, этот период можно охарактеризовать как стадию «отрицания»).³¹ Этой же житейской логикой объясняется спад 1933 года: в следующей фазе переживания жизненной драмы (стадии «принятия») он замкнулся в себе и стал меньше общаться.

На графике 1 1936 год оказывается последним из стабильных, далее следует постоянное снижение количества контактов. Скорее всего, это связано с ухудшением и психологического, и физического состояния. Именно в начале 1936 года Ходасевич закончил «Жизнь Василия Травникова» — литературную мистификацию, которая отражала его предельно пессимистичный взгляд на свою жизнь. По письмам второй половины 1930-х годов видно, что Ходасевич регулярно жалуется и на свое моральное состояние, и на эмиграцию. Приведем фрагмент из письма А. Тумаркину 1936 года: «...я окончательно и бесповоротно выбит из колеи, потому что вдребезги переутомлен умственно и нервно. Прямо говорю: твое общество я бы предпочел всякому другому, если бы вообще был еще способен к общению. Но я могу делать два дела: писать, чтобы не околеет с голоду, и играть в бридж <...> Я вроде контуженного. Просидеть на месте больше часу для меня истинная пытка. Я, понимаешь, стал неразговороспособен. Вот если бы я мог прекратить ужасающую профессию эмигрантского писателя, я бы опять стал человеком. Но я ничего не умею делать. <...> Беда в том, что я куда-то лечу вверх тормашками».³²

Неудивительно, что последние годы отмечены сокращением социальных контактов.

Вместе с тем стоит обратить внимание на тот простой, но любопытный факт, что в целом Ходасевич общался практически постоянно, в течение дня встречая множество знакомых. Так, среднее арифметическое количество контактов за день по всему КФЖ — 3,24 (для сравнения: за 1928 — 2,07, а за 1934 — 4,57). Такой режим сам по себе много сообщает о плотности коммуникаций в эмигрантской среде и об образе жизни автора КФЖ: очевидно, что степень социализированности может быть совсем иной. Так, например,

³⁰ Об этой полемике см.: Hagglund R. The Adamovich—Hodasevich polemics // *Slavic and East European Journal*. 1976. Vol. 20. № 3. P. 239—252; Тиханов Г. Русская эмигрантская литературная критика и теория между двумя мировыми войнами // *История русской литературной критики. Советская и постсоветская эпоха* / Под ред. Е. Добренко и Г. Тиханова. М., 2011. С. 335—367.

³¹ Стоит уточнить, что, должно быть, в особенности он искал встреч с Берберовой. Как замечают комментаторы писем поэта, «Ходасевич <...> в „камер-фурьерском“ журнале отмечал даже мимолетные, случайные встречи с ней в кафе, на улице» (Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма / Комм. И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова, И. А. Бочаровой. С. 705).

³² В. Ф. Ходасевич в воспоминаниях современников / Сост., вступ. статья и комм. А. С. Бергр. СПб., 2004. С. 318—319.

Е. Замятин, в соответствии со своими надеждами на возвращение, в эмиграции «ни с кем не знался».³³ Но даже если говорить отвлеченно, сравнивая с режимом жизни современного человека, насыщенность КФЖ контактами при высокой интенсивности интеллектуальных занятий Ходасевича не может не вызывать удивления.

К плотности и интенсивности общения автора КФЖ в более специальном контексте мы вернемся ниже, а пока обратимся к важной особенности изучаемого документа: дело в том, что несмотря на множество упомянутых персон, в КФЖ зафиксированы не все видные эмигрантские писатели. Этот аспект стоит обсудить подробнее, поскольку в глазах критично настроенного читателя неполнота и субъективность источника могут перечеркивать дальнейшие попытки извлечь из КФЖ сведения о социальных тенденциях эмигрантской литературы.

Кого нет в сети Ходасевича?

Релевантность КФЖ как исторического источника, который может рассказать о составе творческой эмиграции и расстановке сил в ней, — отдельный и сложный вопрос. С одной стороны, поскольку равноценного источника, видимо, не существует, приходится считать КФЖ достаточно репрезентативным документом. В нем действительно отражаются многие процессы, описанные в исследовательской литературе (прежде всего, речь идет о появлении плеяды «младших» литераторов), а известные по другим источникам центральные фигуры эмиграции (вроде Горького или редакторов «Современных записок») встречаются на его страницах достаточно часто. По таким критериям КФЖ представляется вполне объективным отображением творческого сегмента русской эмиграции.

С другой стороны, как будет видно из дальнейшего изложения, содержащаяся в КФЖ информация иногда очевидным образом расходится с реальным положением дел. Например, из числа ожидаемо заметных фигур эмигрантской среды в некоторые годы неожиданно выпадает Адамович, который — при полной объективности КФЖ как источника — должен был появляться в нем значительно чаще (см. подробнее ниже).

В результате, мы исходим из этой полуобъективности, предполагая, что КФЖ все-таки работает как синхронный исторический источник, сообщаящий нам достаточно много о составе и социальной структуре эмиграции.

Вообще, признавая неполноту и субъективность КФЖ, мы получаем возможность именно на их основе делать очень любопытные выводы, касающиеся биографии Ходасевича. Одно из самых интересных открытий — это отсутствие (или минимальное присутствие) в КФЖ некоторых людей, однозначно важных для истории эмигрантской литературы. Прежде всего, ни разу не упоминается Г. Газданов, хотя известны отзывы Ходасевича о его произведениях (отрицательные), и нет сомнений, что Газданов напрямую общался со многими заметными персонажами КФЖ. Так, известно, что Газданов состоял в объединении М. Л. Слонима «Кочевье»: «Четверговые вечера „Кочевья“ в таверне Дюмениль на Монпарнасе наиболее активно посеща-

³³ Берберова Н. Н. Курсив мой: Автобиография. С. 336. Замятин, в самом деле, редко упоминается в эмигрантских дневниках, и круг его общения почти не совпадал с кругом эмигрантов, зафиксированных в КФЖ. Об эмигрантском круге Замятина см. подробнее с указанием литературы об эмигрантском периоде творчества писателя: *Любимова М. Ю.* Евгений Замятин — автор романа «Мы» // Замятин Е. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа. СПб., 2011. С. 25—31.

ли Г. Газданов, А. Гингер, Г. Евангулов, В. Андреев, Б. Божнев, Б. Поплавский, А. Присманова, Н. Городецкая, Б. Сосинский, С. Шаршун, С. Луцкий, А. Берлин, М. Струве, В. Познер, В. Варшавский, В. Фохт, И. Болдырев, Г. Раевский, Б. Закович, А. Эйсер».³⁴ Выделенные в этом списке персоны, за исключением Поплавского (он упомянут всего дважды), совсем не появляются в КФЖ. Заметим, что Гингер, Поплавский, Струве и Познер также состояли в другом объединении — группе «Через» (существовавшей с 1923 по 1926 годы), основанной И. Зданевичем, еще одним известнейшим эмигрантом, не упомянутым в нашем источнике.³⁵ В этом выборочном отсутствии просматривается некоторая системность.

Неизвестно, была ли у Ходасевича в КФЖ установка на полную честность в фиксировании встреч. Несмотря на то что КФЖ — дневник, создававшийся для личного использования, автор мог внутренне цензурировать или зашифровывать записи (не для моделирования реальности, а по глубоко личным эмоциональным причинам). В поддержку этой версии можно вспомнить такие упоминания, как «дурак» (23 марта 1926 года; 28 мая 1939 года), «идиотка» (5 июня 1939 года), «2 обывателя с самками» (7 ноября 1929 года). Нельзя с полной уверенностью утверждать, что Ходасевич не заносил имена некоторых людей в КФЖ, но знакомство (возможное буквально через одно рукопожатие), например, с Газдановым и Божневым слишком вероятно, чтобы отказываться от такой версии.

Интересен в КФЖ случай с поэтом Б. Поплавским, трагически погибшим в 1935 году. Два упоминания о встрече с ним относятся к 1932 (ночь на Монпарнасе 15 октября) и 1933 годам (вечер Смоленского 31 октября; потом часть компании, включая Поплавского и Ходасевича, отправилась в кафе). В 1930 году Ходасевич не очень высоко отзывался о поэзии Поплавского, считая, что он, наряду с другими авторами журнала «Числа» (Г. Адамовичем, Г. Ивановым, А. Ладинским), не обладал «новыми поэтическими идеями».³⁶ И судя по минимальному присутствию Поплавского в КФЖ, Ходасевич не стремился с ним как-либо взаимодействовать. При этом сам Поплавский активно участвовал в литературной социальной жизни, например, в собраниях «Зеленой лампы». Но с Ходасевичем они вроде бы разминулись: Поплавский стал часто посещать эти собрания в 1928 году, когда Ходасевич вышел из объединения. И в целом их публичная культурная жизнь как будто бы проходила по параллельным траекториям, — такое заключение можно сделать, сопоставив с соответствующими днями КФЖ реконструированную хронику участия Поплавского в разнообразных мероприятиях.³⁷ В качестве примера можно привести показательное несовпадение 26 марта 1931 года:

Хроника Поплавского

«КОЧЕВЬЕ». Участие Б. Поплавского в
презентациях по докладу В. Л. Андреева о
творчестве В. Ф. Ходасевича.³⁸

КФЖ

Н. Зайцева. В Murat / Вечером к Цвет-
лину /
(26 марта 1931 года)

³⁴ Коростелев О. А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 21. Курсив наш. — Б. О., П. У., В. Ф.

³⁵ Об авангардной линии парижской эмигрантской литературы в первой половине 1920-х годов см.: Ливак Л. «Героические времена молодой зарубежной поэзии». Литературный авангард русского Парижа (1920—1926) // Ливак Л., Устинов А. Литературный авангард русского Парижа: История. Хронология. Антология. Документы. М., 2014. С. 11—142.

³⁶ Ходасевич В. Ф. Легучие листы: «Числа» // Возрождение. 1930. 27 марта.

³⁷ Поплавский Б. Неизданное: Дневники. Статьи. Стихи. Письма. М., 1996. С. 475—479.

³⁸ Там же. С. 478.

Характерно, что автор доклада о Ходасевиче В. Л. Андреев (другой литератор из «молодых») тоже практически не представлен в КФЖ.³⁹ Создается впечатление, что Ходасевич действительно (и сознательно) не пересекался с какой-то частью литературного эмигрантского сообщества, просто не посещая определенные мероприятия. Вероятно, реальной причиной этого размежевания была неприязнь, о которой свидетельствуют резкие отзывы на литературную продукцию многих молодых поэтов, вроде Поплавского (Ходасевич пересмотрел свое отношение к поэту только после его смерти). Системное отсутствие некоторых литераторов в КФЖ, по всей видимости, согласуется с представлениями Ходасевича об их творчестве и о качестве культурных мероприятий, в которых они участвовали.

Теми же соображениями может объясняться и игнорирование целых творческих групп. Ходасевич, не принимая авангардизм, закономерно не проявлял уважения и интереса к деятельности Зданевича (судя по КФЖ, за все годы эмиграции они ни разу не пересеклись).⁴⁰ Таким образом, хотя список персонажей КФЖ представляется как будто вполне исчерпывающим, мы можем заключить, что Ходасевич зафиксировал лишь часть эмигрантского творческого сообщества, а некоторые параллельно существовавшие группы и течения просто не нашли отражения в КФЖ.

Так, через Зданевича (с которым Ходасевич мог бы познакомиться через многих знакомых), художника С. Шаршуна (11 упоминаний в КФЖ) или дягилевских деятелей театра и балета (С. Лифарь в КФЖ возникает 7 раз) открывалось целое сообщество известнейших теперь художников, живших в Париже в те же годы. Среди них, например, эмигранты М. Шагал и Х. Сутин, а также не-эмигранты, например, Ф. Леже, который, к тому же, впоследствии женился на двоюродной сестре Ходасевича Надежде Ходасевич (Леже),⁴¹ и др.

Судя по КФЖ, Ходасевич не пересекался в эмиграции со своим давним знакомым Е. Замятиным, который приехал в Париж в 1932 году, зато с ним встретила Н. Берберова и оставила описание этой встречи в «Курсиве...»: «С Замятиным я провела однажды два часа в кафе „Дантон“, на углу Сен-Жерменского бульвара, в двух шагах от русского книжного магазина, где мы случайно встретились. Это было в июле 1932 года. Он ни с кем не знал, не считал себя эмигрантом и жил в надежде при первой возможности вернуться домой».⁴² Вероятно, мимо Ходасевича прошло и общение с художником К. А. Сомовым. В КФЖ Сомов не упоминается ни разу, в то время как Берберова в «Курсиве...» отмечает, что «бывала у него».⁴³ Такие случаи, по всей видимости, свидетельствуют о том, что даже у ближайшего к Ходасевичу человека был свой (возможно, по отношению к составу КФЖ несколько расширенный) круг эмигрантского общения.

Несомненно, перечень людей, в силу разных обстоятельств не попавших в КФЖ, может быть продолжен, и выявление отсутствующих в источнике персонажей представляется перспективным ходом в изучении социального круга Ходасевича.

³⁹ Составительница издания КФЖ О. Р. Демидова предполагает, что ироничной фамилией «Соскины» (13 марта 1930 года) могли быть обозначены В. Андреев с женой, так как у Андреева был псевдоним С. Осокин (*Ходасевич В. Ф. Камер-фурьерский журнал*. С. 444). В любом случае, речь идет только об одном упоминании.

⁴⁰ См. подробнее: *Ливак Л. «Героические времена молодой зарубежной поэзии»*. С. 107—116.

⁴¹ Неизвестно, был ли Ходасевич знаком со своей двоюродной сестрой. Но долгие годы они одновременно жили в Париже.

⁴² *Берберова Н. Н. Курсив мой: Автобиография*. С. 336.

⁴³ Там же. С. 415.

Вместе с тем отсутствие некоторых эмигрантов в КФЖ и, соответственно, в круге общения Ходасевича не означает, что к этому документу целесообразно обращаться только исследователям биографии поэта. Хотя исследователь не может не помнить о неполноте и субъективности КФЖ, представляется целесообразным сосредоточиться на зафиксированных в нем сведениях, важных для истории эмигрантской литературы. Учитывая характер источника, внеположной позиции идеального наблюдателя мы вынуждены предпочесть взгляд автора КФЖ. Этот взгляд, вероятно, уместно сравнить с подглядыванием за историей литературы в замочную скважину, однако при должной наблюдательности он весьма информативен.

Иными словами, с нашей точки зрения, даже с поправкой на «отсутствующих», КФЖ сообщает довольно много информации о социальном раскладе и социальных тенденциях в литературной среде русской эмиграции. Как мы покажем ниже, применение к источнику ряда цифровых подходов дает возможность увидеть характерные тенденции и закономерности.

Разметка КФЖ: «старшие» и «младшие»

Чтобы лучше отразить тенденции, стоящие за социальной динамикой общения Ходасевича, мы присвоили упомянутым в КФЖ персонам метки по нескольким категориям: пол, старшие / младшие, сфера деятельности (писатели, журналисты, адвокаты, врачи и т. п.), а также добавили метку печатных органов, с которыми те или иные писатели и журналисты были связаны. Это позволило более детально и нюансированно проанализировать закономерности эмигрантской социальной сети.⁴⁴

Благодаря меткам мы получили более общую картину, которую можно извлечь из КФЖ. Единицами в наших данных выступают уже не отдельные персоналии, а группы людей, объединенных по возрасту, профессии или по другим видам деятельности. Это позволило проверить несколько социодемографических утверждений, касающихся эмигрантского сообщества 1920—1930-х годов.

Во-первых, данные КФЖ позволяют прокомментировать следующее из данных переписи 1926 года наблюдение о довольно большой доле женщин среди представителей интеллектуальных профессий.⁴⁵ В нашей размеченной таблице всего 259 женщин, что составляет 28 % от общего числа персон. При этом мы действительно можем предполагать, что большинство из них были учтены в переписи как представительницы «свободных профессий». Оставляя вне рассмотрения примерно 100 женщин, которые известны нам только в качестве спутниц или жен более известных мужчин, мы мо-

⁴⁴ В ряде случаев разметка получилась условной. Так, например большому количеству женщин пришлось присвоить метку «жены», потому что про них мы ничего больше не знаем, в то время как они тоже могли быть, например, представительницами «свободных профессий». Кроме того, мы вынуждены были отказаться от однозначного соответствия человек — метка, так как к некоторым персоналиям очевидным образом подходило несколько меток. Например, К. И. Зайцев (с 1954 года — архимандрит Константин) был определен метками «церковь» (еще до принятия сана занимался богословием), «филология» (у него есть и литературоведческие труды), «журналистика» (работал в «Возрождении» и других изданиях), «юристы» (в эмиграции преподавал на юридических факультетах).

⁴⁵ «Второе наблюдение, которое позволяют сделать данные переписи 1926 года, — сравнительно большая доля русских женщин среди представителей свободных профессий (многие русские иммигрантки принадлежали к привилегированным слоям российского общества и имели возможность получить высшее образование)» (*Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции. С. 155).

жем прокомментировать профессиональный состав остальных, выборочно называя примеры: это писательницы и поэтессы (И. Одоевцева, Е. Ю. Кузьмина-Караваева, Р. Н. Блох, Л. Д. Червинская и многие другие), журналистки (И. М. Жаботинская, Т. И. Алексинская), художницы (Н. С. Гончарова, Е. К. Маковская, Э. С. Вольфсон), балерины (Т. П. Карсавина, Н. А. Тихонова), актрисы (М. Н. Германова, Е. Н. Рощина-Инсарова), врачи (Н. К. Адамова). По аналогии со сказанным выше о концентрации людей «свободных профессией» вокруг Ходасевича, мы отмечаем в сообществе и высокую концентрацию женщин, занятых в этих областях. КФЖ, таким образом, подтверждает данные переписи, дает возможность хотя бы частично взглянуть на персоналии, которые сформировали эту статистику. Возвращаясь к внутренним результатам, — как будет показано ниже, структура нашего сообщества в значительной степени зависит от присутствующих в нем женщин.

Во-вторых, благодаря разметке можно говорить о статусно-возрастном составе с большей объективностью, чем в случае реконструкции историко-литературной ситуации. В истории эмигрантской литературы закрепилось разделение на «старших» и «младших», которое признавали и использовали сами эмигранты.⁴⁶ К «старшим», как правило, относились те поэты и прозаики, чья литературная репутация сформировалась еще до отъезда за границу (Мережковский, Гиппиус, Бальмонт и др.). К этой же группе «старших» относился и Ходасевич.

Если круг «старших» литераторов более или менее поддается формализации, то с «младшими» дело обстоит гораздо сложнее. Прежде всего, «младшие» эмигранты — это круг молодых писателей, начавших свою литературную деятельность преимущественно в эмиграции (Д. Кнут, Б. Поплавский, Г. Газданов и др.). В этой связи принято говорить о поколенческой идентичности и о специальной мифе «незамеченного поколения» у младших эмигрантов. Вместе с тем далеко не все, кто по возрасту мог быть отнесен к этой социальной группе, реально воспринимались как «младшие». Так, например, родившийся в 1899 году Владимир Набоков не относится к кругу «незамеченного поколения» и потому, хотя он по возрасту явно относится к «младшим», в эмигрантской культуре, скорее, воспринимается как отдельное уникальное явление. Литературные авторитеты «младших» — Г. Адамович (р. 1892) и Г. Иванов (р. 1894) — близки к ним по возрасту. При этом оба успели принять участие в дореволюционной петербургской литературной жизни, тем не менее исследовательская традиция все равно относит их либо к представителям «младших», либо характеризует как «наставников» и лидеров молодого поколения, таким образом, соединяя их именно с этим возрастным и литературным субполем. Здесь же отметим некоторую непоследовательность в том, как эмигрантское, а впоследствии — и исследовательское сообщество определяет соотношенность человека с кругом «младших» или «старших». Как мы только что отметили, Адамович и Иванов явно связаны с «младшими», тогда как Ходасевич, в 1930-е годы достаточно много общавшийся с молодыми литераторами и отмечавший в критике ряд младших писателей, все равно традиционно представляется человеком, который был близок со «старшими», а с «младшими» общался мало.⁴⁷

⁴⁶ О «старших» и «младших» в эмигрантской литературной среде см.: *Livak L. How It Was Done in Paris: Russian Émigré Literature and French Modernism*. Madison, 2003; *Каснэ И.* Искусство отсутствовать: незамеченное поколение русской литературы. М., 2005.

⁴⁷ О. А. Коростелев приводит показательное письмо Ю. П. Иваска Г. П. Струве, написанное в 1971 году: «Настоящее влияние Адамович имел в 1930-х годах. Конечно, Вы можете быть на

Данные КФЖ дают возможность рассмотреть проблему «старших» и «младших» как с количественной точки зрения, так и с точки зрения интенсивности общения. Именно для этого мы ввели метку «старшие»/«младшие». Снабжая тех или иных персон меткой «младшие», мы исходили из эмигрантских представлений о том, какого литератора можно так охарактеризовать. В случае, если у нас возникали сомнения в принадлежности того или иного писателя к «младшим», мы руководствовались годом его рождения. За такой рубежный, пороговый год мы взяли 1895-й.⁴⁸

Нам не удалось определить возраст *всех* людей, упомянутых в КФЖ. Не всегда поддавались такой идентификации, например, «выделенные» из семейных пар спутницы более известных людей или «эпизодические», неизвестные персонажи. В целом, мы старались маркировать меткой «старшие/младшие», прежде всего, людей искусства. Несмотря на неполноту данных, получены вполне отчетливые результаты: 380 «старших» и 217 «младших», причем в три последних года жизни Ходасевича количество «старших» вокруг него значительно уменьшилось, а количество «младших» осталось примерно на прежнем уровне, поэтому «младшие» вокруг Ходасевича стали преобладать (см. график 2).

Однако, как мы покажем дальше, количество *людей* и их соотношение в нашей системе не всегда являются показательными данными. Поскольку мы имеем дело с живым сообществом, необходимо учитывать и другой параметр — интенсивность общения.

На графике 3 отображена интенсивность общения (количество встреч) Ходасевича с младшими и старшими эмигрантами. Как мы видим, уже с 1932 года он чаще и интенсивнее общался с представителями «младшего» поколения эмигрантов (прежде всего с литераторами).

Если сопоставлять два графика, то можно сделать вывод, что в целом за эмигрантские годы Ходасевич знал больше старших, а не младших представителей эмиграции (график 2), однако с 1932 года с младшими он однозначно общался более интенсивно.

стороне Ходасевича, но у него учился, к нему ходил только Смоленский. Парижская нота — не была школой, а климатом, аурой...» (цит. по: Коростелев О. А. Георгий Адамович, Владислав Ходасевич и молодые поэты эмиграции // Коростелев О. А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб., 2013. С. 185). Исследователь добавляет: «Иваск преувеличивает лишь то, что к Ходасевичу „ходил только Смоленский“. Ходили и другие. (...) поэты ходасевичевского „Перекрестка“, учась мастерству у своего мэтра, все (или почти все) то и дело оглядывались на оппонента, прислушивались к нему и в конечном итоге многому у него научились и немало позаимствовали» (Там же). Таким образом, по оценкам современника и исследователя, интенсивность взаимодействия (буквального или поэтического) молодых поэтов с Адамовичем — выше, чем с Ходасевичем. См. в этой связи также фразу из письма В. С. Варшавского Иваску: «За Ходасевича кроме Смоленского и Берберовой были весь „Перекресток“, Набоков, Вейдле и даже такой друг Адамовича, как Фельзен» (Amherst Center for Russian Culture. Iurii Ivask Papers. Series 1. Correspondence. Box 6. Folder 53. № 18; благодарим Леонида Ливака за предоставленную цитату, которую он любезно разрешил привести).

⁴⁸ Выбор именно этой рубежной даты объясняется тем, что, насколько мы представляем, большинство модернистских литераторов успели получить символический капитал в дореволюционном литературном процессе в том случае, если они родились до 1895 года. И наоборот, люди, родившиеся позже, вне зависимости от того, оказались они в эмиграции или нет, как правило воспринимались как представители следующего поколения (набор имен здесь достаточно внушительный — от, например, К. Вагинова или И. Сельвинского до И. Е. Ильфа и А. П. Платонова). Разумеется, выбранная нами дата не означает, что мы имеем дело с универсальной закономерностью (так, из нее выпадает, например, М. А. Булгаков или К. А. Федин), но, тем не менее, тенденция вырисовывается достаточно отчетливая. По сути, здесь срабатывает простая возрастная калькуляция: люди, рожденные в 1896 году и позже, до революции слишком юны (им 21 год и меньше), чтобы заметно проявить себя в литературе.

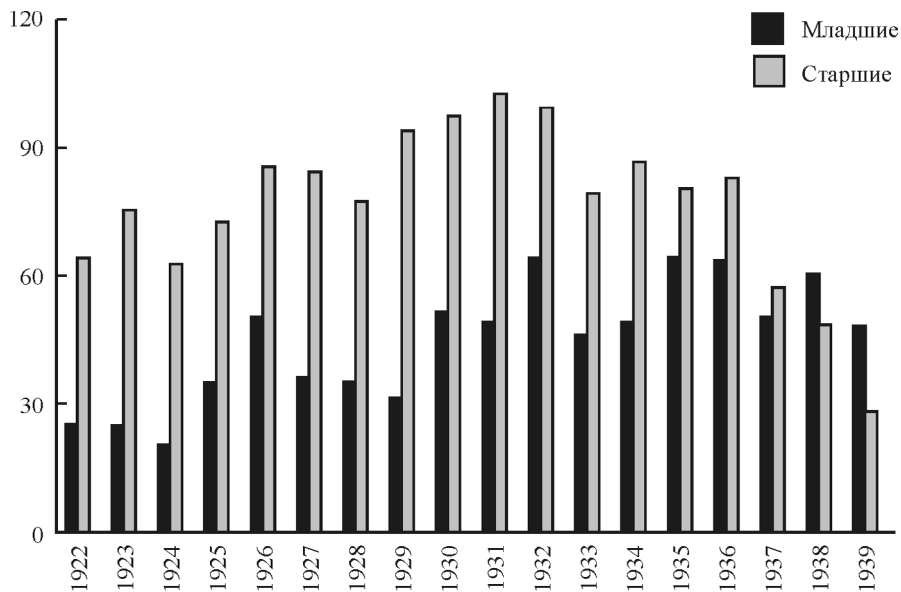

График 2. Старшие и младшие: количество людей.

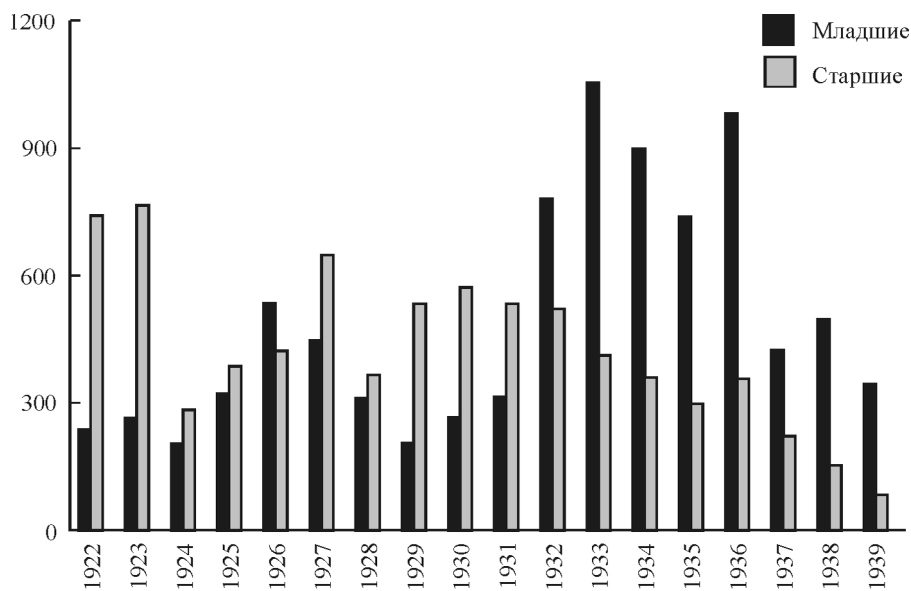

График 3. Старшие и младшие: интенсивность общения.

Данные позволяют сделать вывод, что объективно Ходасевич общался с «младшими» не в меньшей степени, чем Адамович. И хотя у нас нет количественных данных о круге общения Адамовича, мемуарная и научная традиция твердо уверена в том, что он был неразрывно связан с определенным кругом «младших». ⁴⁹ Наши простые подсчеты демонстрируют, что Ходасевич был тоже тесно связан со своим кругом «младших». Однако, как мы упоминали выше, существует традиция воспринимать его как старшего, находящегося в отдалении от младших. Скорее всего, эта репутация объясняется не объективными показателями общения. Дело здесь, по-видимому, заключается в том, что литературное поле эмиграции сформировало позицию старшего литератора, своего рода идеолога литературного движения, и за эту позицию Адамович и Ходасевич активно конкурировали. Поскольку в конечном счете эмигранты сами признали, что эту позицию занял Адамович, культурная мифология связала его с «младшими». Ходасевич же, проигравший в этой «схватке», культурной традицией был расположен в отдалении от молодых, и ему были приписаны черты писателя-одиночки. Таким образом, данные КФЖ позволяют опровергнуть сформировавшееся предубеждение о Ходасевиче в 1930-е годы и перевести вопрос в плоскость социологии литературы.

Сетевой анализ

Используя данные КФЖ только для статистических подсчетов или для уточнения статуса Ходасевича, мы игнорируем внутреннюю связность сообщества эмигрантов. Между тем устройство КФЖ позволяет представить записанное Ходасевичем множество людей как социальную сеть, т. е. отобразить сообщество как граф связей. Все люди, упомянутые Ходасевичем, в таком случае становятся узлами графа, а ребра этого графа образуются, если между узлами зафиксирован контакт. Утверждая, что общение имело место, мы доверяем особой авторской разметке; выше мы описывали, как осуществлялся учет разделительных меток Ходасевича. Обратимся снова к данному в самом начале примеру записи из КФЖ: **«9, среда.** За покупками. / В Возр.⟨ождение⟩ (Гукасов, Городецкая). / В. Зайцева. — К Кнуту. С ним в кафэ. **В Murat** (Вишняки, Ася, Алданов, Руднев, Керенский, Зензинов, Полонские, Рубинштейн). /».

Поскольку М. Вишняк, М. А. Вишняк, Ася, Алданов, Руднев, Керенский, Зензинов, Полонский, Полонская и Рубинштейн встречались с Ходасевичем в одно и то же время и, очевидно, общались друг с другом, от каждого к каждому мы протягиваем связь и так получаем возможность представить полученные данные в виде графа. По такому же принципу обрабатываются и все остальные контакты, засвидетельствованные в КФЖ. Каждая новая встреча между этими узлами добавляет вес к связи между ними. Стоит оговорить, что в аспекте измерения наличия и силы связи КФЖ — бесценный источник. Как правило, в эго-документах именно сила связи сложнее всего формализуется. ⁵⁰ В КФЖ эта проблема решается фор-

⁴⁹ Из поэтов, которые однозначно находились под влиянием «Парижской ноты», обычно называют А. Штейгера, Л. Червинскую, Д. Кнута (в первой половине 1930-х годов), Б. Заковича, И. Чиннова, П. Ставрову, И. Кнорринг и др. См.: Коростелев О. А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ // Коростелев О. А. От Адамовича до Цветаевой. С. 331.

⁵⁰ Коротко говоря, в большинстве эго-документов мы имеем дело с иерархизированной информацией о встречах и контактах, а у автора нет установки на фиксацию всех встреченных

мально — соседство людей в рамках одной группы естественным образом берется как единица связи.⁵¹

Таким образом, мы располагаем взвешенными графами, показывающими не только наличие связи, но и ее интенсивность. Они могут быть составлены на базе любого интересующего нас периода, но в большинстве случаев для этого исследования мы анализировали данные графов, построенных за каждый год. Такие графы, во-первых, удобнее (число узлов в них колеблется от 108 до 230, а в случае с графом за все годы нам пришлось бы иметь дело со всеми 935 узлами сразу), во-вторых, хронологически выстроенный набор графов позволяет проследживать внутреннюю динамику.

Математическая модель в виде графа отражает более сложные параметры сообщества, чем те, о которых шла речь в предыдущем разделе.

Плотность

Во-первых, важной характеристикой графа является его плотность: насыщено ли связями это сообщество, или оно разрежено, а люди скорее обособлены? Гусефф приводит интересную социологическую характеристику русской эмиграции: «По утверждению многочисленных свидетелей и исследователей, русская эмиграция отличалась большой сплоченностью и крепкими внутриобщинными связями».⁵² Конечно, речь здесь идет о большом количестве благотворительных организаций и профсоюзов, а не о знакомствах как таковых, но в этом аспекте КФЖ позволяет подтвердить такую характеристику.

Коэффициент плотности сети — величина, не говорящая сама за себя, ее необходимо соотносить с контекстом и сравнивать с параллельными данными, но мы все-таки можем сделать описательное предположение. Плотность наших графов меняется от 0,07 (1923, 1928, 1929 годы) до почти 0,2 (1936 год, т. е. в графе за этот год протянуто 20 % от всех возможных ребер; для «живых» данных это в любом случае кажется свидетельством тесной переплетенности сообщества). Поскольку в целом мы имеем дело с личным дневником, фиксирующим камерные встречи, довольно высокий коэффициент плотности формируется за счет больших собраний, в которых появлялся

друзей, знакомых и коллег. Так, автор эго-документа может, например, написать, что он «видел сегодня коллег и случайно встретил старинного друга Х», так что силу связей с не названными «коллегами» записи такого рода не позволяют измерить. В случае интервьюирования исследователи тоже имеют дело с выстраиванием нарратива, т. е. с неизбежной селекцией материала. Впрочем, если речь идет о создании модели узкого, профессионального, сообщества, такой нарратив может быть вполне успешно преобразован в сеть; см.: *Батыгин Г. С., Градосельская Г. В.* Сетевые взаимосвязи в профессиональном сообществе социологов: методика контент-аналитического исследования биографий // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 88—109.

⁵¹ Мы осознаем, что в таком случае, вероятно, не всегда единица связи свидетельствует об общении людей. Так, например, люди могут оказаться в одной компании, однако два ее участника могут быть в натянутых отношениях и не общаться между собой. Эта сложность равнозначна «проблеме сцены», хорошо известной исследователям сетей драматических произведений: если двое (и более) человек появляются одновременно на сцене, но не обмениваются репликами — стоит ли считать, что между ними есть связь? В случае с КФЖ, как правило, эта проблема решается просто — в небольших компаниях, скорее всего, все общаются. Но в случае больших собраний, на которых Ходасевич отмечает 20 и более знакомых, взаимная связанность этих людей остается под большим вопросом. Мы исходили из того, что Ходасевич отмечал людей, которые общались между собой. Более того, их связь на «многолюдных» собраниях подтверждается связями в более малочисленных компаниях.

⁵² Гусефф К. Русская эмиграция во Франции. С. 17.

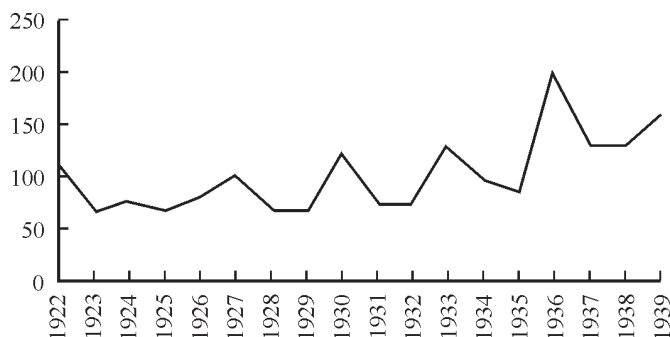

График 4. Плотность эмигрантского сообщества по данным КФЖ.⁵³

График 5. Количество людей на многолюдных литературных мероприятиях.

Ходасевич, записывая после этого, по возможности, максимальное количество людей, которых там встречал (конечно, не стоит считать такие списки исчерпывающими: наверное, в КФЖ прежде всего оказывались значимые для Ходасевича люди). Действительно, эмигрантское сообщество довольно часто собиралось по разным поводам. Это могли быть благотворительные вечера, «балы писателей», похороны и т. д. Такие события и делали социальную сеть эмиграции насыщенной связями, не давая ей распадаться на личные круги общения.

Как мы видим на графике 4, плотность эмигрантского сообщества вокруг Ходасевича не была стабильной и скачкообразно менялась год от года. Эти скачки, в целом, соотносятся с количеством мероприятий, собирающих сразу много людей (см. график 5). Например, больше всего таких встреч произошло в 1936 году (было 49 встреч с количеством участников больше 8). Самый большой вечер собрал 51 человека (по крайней мере, именно столько людей зафиксировано в КФЖ) — 14 ноября 1936 года: Ходасевич читал свои воспоминания о Горьком, который умер летом этого года.

⁵³ Значения плотности для удобства умножены на 1000.

Приведем еще несколько примеров многолюдных собраний. 8 февраля того же 1936 года Ходасевич записал в КФЖ 48 человек, присутствовавших на его совместном с Сириным вечере. 26 ноября 1933 года на «чествование Бунина» собралось 37 человек (в начале месяца было получено известие о присуждении ему Нобелевской премии). 28 человек, согласно КФЖ, присутствовали на вечере памяти Белого (3 февраля 1934 года), 24 собрались в 1931 году в память о Блоке. Другими поводами для встреч были вечера А. Ладинского и Л. Зурова (27 человек в обоих случаях), банкет «Современных записок» (25), вечер «Перекрестка» с докладом Ходасевича (23), ужин «Возрождения» (21) или, видимо, стихийно проведенная на Монпарнасе ночь с 21 знакомым вокруг. Большинство подобных записей заканчиваются многоточием, не позволяющим нам считать, что культурные события и эмигрантские мероприятия были интересны только малому количеству людей.

Таким образом, математически подтвержденное единство русской творческой эмиграции было обусловлено не только прямыми личными контактами — следствием дружбы или сотрудничества, — но и одновременным присутствием на значимых мероприятиях. Как видно из примеров, приведенных выше, значимыми они могли быть как с точки зрения бытового контекста (сотрудники эмигрантского журнала приходили на «корпоративные» праздники), так и с символической точки зрения: некоторые события прошлого (смерть Блока) долгие годы служили объединяющими факторами, были вопросом общей литературной генеалогии.

Центральность. Независимость центральности от количества встреч

КФЖ может дать представление не только об узком круге общения Ходасевича, но и о составе эмигрантского сообщества. Мы исключили Ходасевича из наших графовых моделей, поскольку связь с ним каждого узла заведомо очевидна. Эта модификация позволяет нам посмотреть на структуру сообщества, проследить, кто обладал самым большим или самым маленьким количеством связей с другими людьми (т. е. измерить *центральность* того или иного персонажа). Эти измерения, разумеется, основываются не на интерпретации визуального отображения, а на возможности извлечь из наших данных точное число связей для каждого узла. Тем не менее даже графическое отображение сообщества может быть показательным.

Понятно, что люди, с которыми Ходасевич встречался наедине, если представить их на графе, совсем не связаны с другими узлами или обладают небольшим количеством связей (например, если речь идет о тех, кто входил в семейный круг автора КФЖ, а с остальным сообществом, в целом, не общался).

Так, на рис. 1 на вклейке видно, что в 1927 году совершенно в стороне от основного, изобилующего связями, сообщества были Черниковская (видимо, жена поэта С. Г. Черниковского), Л. Берберов (сын дяди Нины Берберовой) и Юшкевич (видимо, жена, и с этого года вдова драматурга С. С. Юшкевича). Нина Кан (в верхней части графа), дочь старшей сестры Ходасевича, связана лишь с кем-то одним в сообществе, кроме, естественно, самого автора КФЖ.

У всех перечисленных персонажей центральность (по крайней мере за этот год) — низкая, хотя встречаться с Ходасевичем они могли много раз. Так мы понимаем, что субъективный дневник все-таки может содержать

объективные, не связанные с личными отношениями, сведения о роли того или иного человека в сообществе, о его вовлеченности в «клубок» связей. Именно благодаря групповым записям, о которых шла речь в предыдущем разделе, мы можем знать, какие люди фигурировали чаще всего в составе какой-то общности и, таким образом, на графе соединялись со многими другими, получая высокие значения центральности.

Осмысленность рассуждения о центральности узлов социальной сети зависит от самостоятельности этого показателя. В случае, если центральность не сообщает нам новой информации о месте персоны в сети, реконструируемой по данным КФЖ, исследователю стоит воспользоваться какими-то более простыми метриками, например, подсчетом числа встреч. Поэтому для нас было важно проверить находится ли центральность в линейной зависимости от интенсивности личного общения с Ходасевичем. Это можно проверить математически. Для каждой персоналии из КФЖ мы получили значения числа встреч и центральности за каждый год. Коэффициент корреляции между этими параметрами (на шкале от 0 до 1) оказался довольно низким, 0.546. Визуально соотношение между числом встреч с Ходасевичем и центральностью можно оценить на рис. 2 на вклейке. По горизонтальной оси на этом графике отложено число встреч, а по вертикальной оси — значение центральности. Если бы значение центральности линейно зависело от числа встреч, то все точки выстроились бы по прямой от левого нижнего угла до правого верхнего. При помощи специального статистического аппарата⁵⁴ мы построили математическую модель, которая в идеале могла бы предсказывать значение центральности по числу встреч. Эта модель отражена на рис. 2 на вклейке в виде прямой линии, диагонально пересекающей поле графика. Если бы прогноз, согласно которому центральность зависит от числа встреч, оправдался, тогда бы все точки реальных показателей встреч и центральности группировались вдоль этой линии. Как мы видим, в действительности существует значительный разброс точек, и их отклонение от теоретических значений нельзя игнорировать. Все это говорит о том, что центральность — это самостоятельный параметр социальной сети, который не является функцией от числа личных встреч с Ходасевичем.

В самом деле, присматриваясь к конкретным примерам, мы обнаруживаем, что люди с самыми высокими значениями центральности далеко не всегда входят в число близких друзей Ходасевича, его родственников или известных собеседников. И наоборот — люди, с которыми автор КФЖ контактировал очень часто (это, например, его сестра Евгения Нидермиллер — 503 записи или Марианна Марголина — 686 записей), не попадают в список узлов с высокой центральностью, так как общение происходило в узком кругу или наедине, а не в рамках многолюдных мероприятий.

Посмотрим на выборку самых центральных фигур эмигрантского сообщества за каждый год.⁵⁵

⁵⁴ Мы построили модель линейной регрессии, которая предсказывает зависимую переменную по значению независимой. В нашем случае мы пытались оценить, можно ли подобрать такие коэффициенты, чтобы предсказать значение центральности (зависимая переменная) от частоты встреч (независимая переменная).

⁵⁵ Из сводной таблицы со значениями центральности КФЖ мы выписали только тех персон, чей коэффициент центральности был не ниже 0.3 (это значение было выбрано на глаз как правдоподобная граница между двумя частями общего списка: 1) безусловно высокими значениями центральности и 2) множеством невысоких коэффициентов).

Берлинский период:

1922	1923	1924
Бахрах	Бахрах	Бахрах
Белый	Белый	Гржебин
Вишняк М.	Каплун С.	Зайцев Б.
Горький	Лурье В.	Познер В.
Гржебин	Муратов	Познер С.
Зайцева В.		
Каплун С.		
Лурье В.		
Оцуп		
Познер		
Шкловский		
Эренбург		

Во Франции:

1925	1926	1927	1928	1929
Бахрах	Адамович	Адамович	Бахрах	Бахрах
Зайцев Б.	Бахрах	Алданов	Вейдле	Зайцев Б.
Познер В.	Бунин	Бахрах	Зайцев Б.	Муратов
	Булнина	Бунин	Зайцева В.	Тэффи
	Вейдле	Булнина	Цетлин	Цетлин
	Гиппиус	Вейдле		
	Гржебин	Гиппиус		
	Зайцев Б.	Зайцев Б.		
	Мережковский	Мережковский		
	Познер В.	Познер В.		
	Познер С.	Терапиано		
	Терапиано	Тэффи		
	Цетлин	Цетлин		
1930	1931	1932	1933	1934
Алданов	Алданов	Барановская Л.	Алданов	Алданов
Аминадо	Вейдле	Берберова	Барановская Л.	Барановская Л.
Барановская Л.	Вишняк М.	Вольфсоны	Берберова	Бахрах
Бахрах	Зайцев Б.	[М. К. и Э. С.]	Вейдле	Берберова
Бунин	Цетлин	Зайцев Б.	Вишняк М.	Блох Р.
Вишняк М.	Цетлина	Керенский	Вольфсоны	Вейдле
Вольфсон М.		Мандельштам	[М. К. и Э. С.]	Горлин
Зайцев Б.		Руднев	Городецкая	Городецкая
Зуров		Смоленский	Зайцев Б.	Зайцев Б.
Маковский		Цетлина	Зайцева В.	Зайцева В.
Муратов			Ладинский	Мандельштам
Тэффи			Смоленский	Оллиан
Цетлин			Фельзен	Раевский
			Цетлин	Рубинштейн Я. Л.
				Смоленский
				Фельзен
1935	1936	1937	1938	1939
Алданов	Адамович	Алданов	Адамович	Адамович
Барановская Л.	Алданов	Берберова	Алданов	Алданов
Блох	Барановская Л.	Бунин	Берберова	Баранов-
Вейдле	Берберова	Вейдле	Бунин	ская Л.
Горлин	Бунин	Вишняк М.	Зуров	Вейдле
Гринберги	Вейдле	Иванов	Иванов	Гринберг С.
[Р. Н. и С. М.]	Горлин	Руднев	Ладинский	Зуров

Мандельштам	Гринберги	Смоленский	Мандельштам	Иванов
Оллиян	[Р. Н. и С. М.]	Ставровы	Одоевцева	Калишевич
Рубинштейн Я. Л.	Зуров	[П. С. и М. И.]	Присманова	Ладинский
Смоленский	Иванов	Тэффи	Смоленский	Мандельштам
Фельзен	Ладинский	Фельзен	Ставровы	Одоевцева
Червинская	Мандельштам	Фондаминский	[П. С. и М. И.]	Прегель А.
	Одоевцева	Червинская	Фельзен	Присманова
	Оллиян	Яновский	Фондамин- ский	Раевский
	Присманова		Червинская	Смоленский
	Рубинштейн Я. Л.		Яновский	Ставров П.
	Смоленский			Тэффи
	Ставровы			Фельзен
	[П. С. и М. И.]			Червинская
	Терапиано			Яновский
	Фельзен			
	Фондаминский			
	Червинская			
	Яновский			

Полученные результаты интересны в первую очередь тем, что они достаточно ожидаемы. Примерно такая же картина (за исключением ряда персоналий) может возникнуть у исследователя или заинтересованного читателя, если он задастся целью назвать наиболее важных представителей русской культурной эмиграции во Франции или в Германии в 1922—1924 годы. Важно при этом заметить, что в данном случае «ключевые» имена возникают не под влиянием субъективных представлений гипотетического читателя / исследователя, а отражают реальное положение дел в литературном поле. Здесь же стоит обратить внимание на занятную корреляцию: тот же гипотетический читатель / исследователь назовет прежде всего людей, важных для культуры эмиграции, однако, интересным образом, данные КФЖ свидетельствуют, что эти же люди часто обладали высокой центральностью, т. е. самым большим количеством социальных связей в эмигрантской среде (при том что показатель влияния на эмигрантскую культуру, как и на культуру вообще, очевидно, напрямую не связан с отраженным в центральности показателем — общительностью).

Из полученных данных мы видим, что почти всегда сохраняется костяк старших издателей-журналистов, на которых было очевидным образом завязано эмигрантское литературное сообщество: М. Алданов, М. Вишняк, И. Фондаминский, М. Цетлин (редакторы журнала «Современные записки»), Б. Зайцев (учредитель и участник берлинских и парижских писательских объединений), С. Познер (секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов, Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции).⁵⁶

В то же время полученные данные свидетельствуют о радикальном обновлении литературного поля. В 1926 году больше всего социальных связей имели такие заслуженные старшие, как Бунин, Гиппиус и Мережковский, а из молодых — Вейдле, Бахрах, В. Познер и Терапиано, который по возрасту относится к старшим, но в литературном поле занял нишу «младшего». Попадание названных «младших» в центр эмигрантского общения, очевидно, объясняется не заработанным литературным капиталом, а своеобразной

⁵⁶ В нашу выборку, однако, попали не только люди, имеющие отношение к литературе или журналистике. Важное место в сети занимают М. К. Вольфсон, адвокат, и его жена Э. С. Вольфсон (ДЭМ), известный скульптор. Они часто бывали в литературных компаниях (см., например, уже упоминавшуюся запись от 26 ноября 1933 года — чествование Бунина), поэтому оказались вплетенными в эту систему связей.

стратегией поведения в литературном поле. Эти люди, по-видимому, хорошо понимали, что они существуют в среде выдающихся писателей и поэтов и стремились много с ними общаться. Не случайно большинство из них позже написали воспоминания об эмиграции, а В. Познер в то время вел альбом, в котором коллекционировал автографы известных литераторов.⁵⁷

Ситуация меняется в 1932 году, когда в центр выходят Ю. Мандельштам и В. Смоленский. Разумеется, на такую перестановку сил влиял и внутренний фактор — личное общение Ходасевича: приведенная раньше статистика свидетельствует о том, что сам автор КФЖ в эмиграции начал больше общаться с младшими, но это не отменяет количественного преобладания старших в КФЖ вплоть до 1937 года. Иными словами, мы можем говорить о вполне объективном изменении публичной роли молодых литераторов. В 1936—1938 годы высокой центральностью обладают П. Ставров, Л. Червинская, В. Яновский, А. Ладинский и Ю. Фельзен (его центральность за 1936 год беспрецедентно высокая: 0,7). В список за 1939 год добавляется А. Присманова, с которой Ходасевич, согласно КФЖ, контактировал всего 21 раз. Таким образом, в 1930-е годы «молодые» ощутимо присутствовали в литературном поле эмиграции, несмотря на мифологию их «незамеченности». Добавим, что в 1932 году в списке впервые появляется Нина Берберова. До этого года рассматривать ее роль в сообществе по КФЖ было бы затруднительно, так как Ходасевич только изредка записывал ее имя (вероятно, из этого следовало, что она всегда рядом и упоминать ее нет нужды). После расставания же фиксация встреч стала актуальной. К сказанному выше следует добавить, что высокая центральность Берберовой в сети может отражать ее самостоятельную роль в эмигрантских кругах, поскольку в 1930-е годы Берберова была довольно заметной писательницей и, к тому же, возможно, общалась с людьми даже интенсивнее, чем Ходасевич.

В 1926—1927, 1936 и 1938—1939 годах большой центральностью, как и следовало ожидать, обладает Г. Адамович. По воспоминаниям В. Вейдле, он «властвовал» над «стихотворцами», которые «не только читали его, но и слушали на многочисленных в то время литературных вечерах и заседа с ним до поздней ночи в монпарнассских кофейнях».⁵⁸ Адамович, судя по таким высказываниям, формировал среду, предлагал «место встречи», т. е. буквально и объективно был одним из самых центральных людей литературной эмиграции. В случае с Адамовичем нужно помнить, что если центральность персонажа, прежде высокая, внезапно сводится к нулю, это не означает, что он перестал быть значимой фигурой. Скорее всего, так происходит, потому что Ходасевич прервал с ним общение и / или перестал записывать его в КФЖ. Адамович как бы отсутствует после 1929 года и не появляется до 1936-го.⁵⁹ Пример с Адамовичем весьма показателен: как только Ходасевич фиксирует своего конкурента в КФЖ, Адамович сразу оказывается на-

⁵⁷ Бахрах А. В. 1) По памяти, по записям. Литературные портреты. Париж, 1980; 2) Бунин в халате. По памяти, по записям. М., 2005; *Терпиано Ю. К.* 1) Встречи. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953; 2) Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924—1974). Эссе. Воспоминания. Статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987; Вейдле В. В. Воспоминания / Вступ. статья, публ. и комм. И. Доронченкова // Диаспора: новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2. С. 24—153; *Pozner V.* Souvenirs sur Gorki. Paris, 1957. Описание альбома В. Познера: *Парнис А. Е.* «Зачем так опротивело я взял твою тетрадь?..»: Блок, Маяковский, Ходасевич и другие в парижском альбоме // Опыты: Журнал эссеистики, публикаций, хроники. 1994. № 1. С. 149—176.

⁵⁸ Вейдле В. О тех, кого уже нет // Новое русское слово. 1976. 18 июля. Цит. по: Коростелев О. А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ... С. 13—14.

⁵⁹ В 1928 году, после выхода Ходасевича из «Зеленой лампы», центральное место в КФЖ утрачивает и Мережковский, хотя он объективно много присутствовал в литературной жизни эмиграции и, в частности, продолжал вести собрания этого литературно-философского общества.

делен высокой центральностью. Этот пример лишний раз подчеркивает независимость показателя центральности от числа встреч.

В социологическом (и одновременно психологическом) приближении, неравное распределение ролей между Ходасевичем и Адамовичем объясняется их личными психологическими свойствами и типом литературного поведения. Ходасевич, очевидно, не был предрасположен к созданию *среды* вокруг себя, не мог и не хотел организовать какую-либо площадку для взаимодействия. По-видимому, Ходасевич не был склонен индивидуально дружить с молодыми поэтами;⁶⁰ он был готов принимать и учить тех, кто к нему приходил сам (вспомним, какими словами Иваск описывает его взаимодействие с «младшими»: «...к нему ходил только Смоленский»⁶¹). Адамович же, судя по приведенным воспоминаниям, предлагал нечто большее, чем концепцию поэтики: он призывал людей не только читать, но и приходить на организованные им вечера, собираться в кафе. Очевидно, что с точки зрения социальной успешности такая тактика в определенных условиях выигрывает.

Высокое значение центральности в КФЖ, как мы сказали выше, часто сочетается с влиятельностью человека в эмигрантских кругах и, более того, с его ретроспективной известностью. Однако есть и исключения. С 1933 по 1936 годы и в 1939 году наверху списка мы встречаем Л. Барановскую (в КФЖ она чаще всего записана как «Милочка»), жену В. Вейдле, появляющуюся в центре эмигрантского сообщества.

В 1934—1936 годы в списке персон с самой высокой центральностью находится некто Оллиан (или «Ольян»), который, судя по КФЖ, часто бывал с Ходасевичем в литературных и семейных компаниях, а также играл с ним в карты. Аттестован он при этом в самом КФЖ довольно ругательно: «Ольян и другая сволочь» (25 марта 1935 года).

Случай с Ольяном весьма показателен. Ольян был женат на сестре Юрия Фельзена и занимался игрой на бирже и мелким предпринимательством.⁶² По-видимому, он воспринимался как чужой человек в литературном сообществе и именно поэтому так отрицательно охарактеризован в КФЖ. В доступных эмигрантских документах и источниках Ольян практически не фиксируется, между тем, наш анализ данных КФЖ демонстрирует, что этот человек был связан с большим числом людей. Вероятно, многие эмигранты предпочитали его не упоминать в силу его «чуждости» и «инаковости». Цифровая обработка КФЖ (сомневаться в статистических показателях у нас нет оснований) демонстрирует, что Ольян, несмотря на тенденцию эмигрантов исключать его персону из представлений о «своем круге», был вплетен в плотную сеть социальных транзакций и играл в эмигрантской среде значимую, хотя и не нагруженную в культурном или литературном плане роль.

Таким образом, центральность позволяет приблизиться к реальному отображению «главных» людей эмиграции, явленных здесь вне зависимости от их дальнейшего закрепления в общественной памяти.

⁶⁰ Если смотреть на близкое общение Ходасевича наедине с литераторами, то среди них молодые поэты практически не выделяются (количество встреч тет-а-тет за год редко превышает число 10). Для сравнения, общение наедине с Вейдле было очень частым, по-видимому, во многие годы больше, чем раз в месяц (так, в 1928 году они виделись наедине 65 раз, в 1929 году — 47, в 1930 — 41, в 1931 — 55, в 1932 — 20, в 1933 — 93, в 1934 — 21, в 1935 — 15, в 1936 — 10, в 1937 — 5, в 1938 — 7, в 1939 — 22 раза). См. также след. прим.

⁶¹ Цит. по: Коростелев О. А. Георгий Адамович, Владислав Ходасевич и молодые поэты эмиграции. С. 185. Курсив наш. — Б. О., П. У., В. Ф. КФЖ фиксирует эти посещения. Смоленский не так много общался с Ходасевичем наедине, динамика общения тет-а-тет показывает, что количество встреч в год колебалось от 2 до 6 (1932 год — 3 раза, 1933 — 6, 1934 — 5, 1935 — 2, 1936 — 4, 1937 — 5, 1938 — 2, 1939 год — ни одной встречи).

⁶² См. подробнее: Ливак Л. Материалы к биографии Юрия Фельзена // *From the Other Shore: Russian Writers Abroad. Past and Present*. Toronto, 2001. Vol. 1. P. 47—70.

Корреляция центральности

Данные о центральности каждой персоны КФЖ могут быть использованы для сравнения социальных судеб разных людей в эмиграции (т. е. в жизни Ходасевича). Совпадение возрастания или убывания центральности в определенный период говорит о том, что сравниваемые персонажи занимают похожие места вокруг Ходасевича и часто вместе с тем обладают сходным статусом в эмигрантском сообществе. Сопоставляя персонажей друг с другом, мы видим, положительная у них корреляция центральности или отрицательная (чем выше значения в обе стороны, тем резче сходство или различие). В простых случаях высокая положительная корреляция закономерно обнаруживается у мужа и жены, часто появлявшихся вместе. Так, у Горького и его многолетней спутницы М. И. Будберг корреляция равна 0,8. Отрицательной корреляция — ожидаемо — будет у людей, чье присутствие в КФЖ выпало на разные, совсем или почти не пересекающиеся периоды (у Горького и М. Алданова она равна $-0,7$, т. е. когда центральность Алданова растет, у Горького, свидетеля первых лет эмиграции Ходасевича, она уменьшается).

Но эта метрика обладает не только описательным потенциалом. Интересно в первую очередь обратить внимание на случаи, когда корреляция отрицательная, но люди присутствуют в жизни Ходасевича одновременно. Например, показательно, что у А. Бахраха почти со всеми молодыми поэтами корреляция отрицательная (с В. Варшавским $-0,5$, с А. Гингером и Б. Заковичем $-0,6$, с Ю. Мандельштамом и В. Смоленским $-0,8$, с А. Присмановой, Ю. Фельзенем и Л. Червинской $-0,7$). Характерно, что герои мемуаров Бахраха — это преимущественно «старшие»: Ходасевич, Бунин, Мережковский, Б. Зайцев, М. Ларионов, М. Цветаева, Тэффи, Дон-Аминадо и др.⁶³ Объясняется такое расхождение с младшими, во-первых, тем, что во второй половине 1930-х годов, когда молодые поэты активно проявляли себя, дружба Ходасевича и Бахраха «как-то сама собой истаяла»,⁶⁴ и Бахрах стал меньше появляться в жизни Ходасевича и, соответственно, в КФЖ. Важно при этом понимать, что когда Ходасевич все-таки общался и с младшими поэтами, и с Бахрахом, эти коммуникации не смешивались. Отдельно был Бахрах (близкий друг, часто партнер по игре в карты), отдельно — общение с младшими. Это неочевидное размежевание становится заметным благодаря данным по корреляции центральности и может быть подвергнуто уточнению и проверке с помощью просматривания упоминаний в КФЖ.⁶⁵

Таким образом, мы располагаем ценным инструментом для изучения частных кругов общения разных героев КФЖ.

⁶³ Исключение составляют Г. Газданов, Б. Поплавский и Б. Вильде (7 упоминаний в КФЖ), кроме того, в мемуарах Бахраха есть глава об Адамовиче, старшем по возрасту, но ассоциировавшимся с младшими: *Бахрах А. В.* Бунин в халате. По памяти, по записям. С. 426—434. Интересно обратить внимание, что ни Газданов, ни Поплавский не актуальны для КФЖ и, соответственно, для Ходасевича (ситуация с Поплавским, впрочем, изменилась после смерти поэта). Вероятно, в данном случае мы можем осторожно говорить о социальной дифференциации внутри сообщества литераторов (Ходасевич тяготеет к одной группе «младших», а Бахрах — к другой), однако анализ кластеризации КФЖ (см. ниже) такое разделение не подтверждает.

⁶⁴ *Бахрах А. В.* Бунин в халате. С. 287.

⁶⁵ См. для примера такие записи (октябрь 1934 года): «27, суб. <бота>. Веч. <ером> к Р. Блох («Перекресток»: Горлин, Вейдле, Нина, Раевский, Ладинский, Смоленский, Савельев, Алферов, Мандельштам, Прегель). / 28, воскр. <есень>. Зюзя (завтракала). — К Жене (ужинал). В Murat x (Бахрах, — бридж). / »

Нагрузка узла (*betweenness centrality*)

Данные о центральности дают, в целом, ожидаемые результаты: автоматически выделяются те персоналии, которые по свидетельствам современников и по своей социальной функции были больше других интегрированы в сообщество и притягивали к себе людей. В таком случае интересно сравнить эти результаты с показателями другой метрики сетевого анализа — нагрузкой узла (*betweenness centrality*). Эта метрика позволяет узнать, какие узлы необходимы для сохранения связности и цельности сети, т. е. какие узлы лежат на пути между разными частями графа (соответственно, их удаление нарушило бы связь между другими вершинами). Иными словами, этот параметр позволяет выяснить, кто именно является связующим звеном между разными частями сообщества и социальными группировками.

Нет сомнений, что наша модель эмигрантского сообщества, как и любой сложный и основанный на реальности граф, состоит из разных кластеров, маленьких или больших (например, в условной эго-сети современного человека узлы будут, скорее всего, распределены по более или менее четким кластерам «семья», «работа», «учеба», «друзья» и т. п.). Кластеризации будет посвящен следующий раздел, здесь же мы приводим результаты измерения нагрузки узлов в социальной сети Ходасевича. Они интересным образом соотносятся с данными, полученными с помощью измерения общей центральности узлов. Ниже приводится сводная таблица узлов с топовым показателем нагрузки,⁶⁶ причем полужирным выделены персоны, которых не было в предыдущей таблице самых центральных фигур (персоны расположены в порядке убывания значений коэффициента нагрузки узла).

1922	1923	1924	1925	1926	1927
Белый	Бахрах	Познер В.	Познер В.	Бахрах	Алданов
Шкловский	Каплун С.	Бахрах	Бахрах	Терапиано	Вейдле
Горький	Горький	Оцуп	Свидерский	Познер В.	Цетлин
Женя [Нидер-миллер Е. Ф.]	Белый	Гржебин	Зайцев Б.	Алданов	Бунин
Вишняк М.	Слоним	Познер С.	Вейдле	Вейдле	Бахрах
Каплун С.	Шкловский	Сураварди		Цетлин	Зайцева В.
Зайцева В.	Муратов	Валя [Ходасевич В. М.]		Бунин	Терапиано
	Гуковский	Гуковский			Зайцев Б.
	Цветаева	Зайцев Б.			Мережковский
	Крючков				
	Амфитеатров				
	Гржебин				
	Лурье В.				
1928	1929	1930	1931	1932	1933
Вейдле	Бахрах	Вейдле	Вейдле	Берберова	Берберова
Зайцев Б.	Муратов	Зайцев Б.	Зайцев Б.	Алданов	Вейдле
Цетлин	Зайцев Б.	Цетлин	Алданов	Барановская Л.	Фельзен
Бахрах	Алданов	Ася [Берберова А. Р.]	Зайцева В.	Смоленский	Оля [Марголина О. Б.]
Муратов	Тэффи		Поволоцкий	Каплун С.	Женя [Нидермиллер Е. Ф.]
Зайцева В.	Цетлин			Зайцева В.	Барановская Л.
Наташа	Вейдле			Оля [Марголина О. Б.]	Алданов
[Кук Н.]					

⁶⁶ Мы выписывали только узлы с самыми высокими показателями нагрузки (определенной на глаз границей стал коэффициент 0,04, персоны с меньшим коэффициентом не попадали в нашу таблицу). В разные годы их количество различается.

1934	1935	1936	1937	1938	1939
Фельзен	Фельзен	Долинский	Фельзен	Фельзен	Фельзен
Смоленский	Смоленский	Фельзен	Смоленский	Оллиан	Вейдле
Бахрах	Вейдле	Тэффи	Бунин	Смоленский	Мандельштам
Алданова Т. М.	Долинский	Зуров	Рощин	Марианна	Оллиан
Мандельштам	Алданов		Оллиан	[Марголина М. Б.]	Берберова
Барановская Л.	Барановская Л.			Берберова	Тэффи
Вейдле				Долинский	
Алданов					
Зайцева В.					

Прежде всего, интересны расхождения с предыдущей таблицей общей центральности. Понятно, что связующими узлами в эмиграции почти всегда и являются самые центральные фигуры: даже если они объединяют вокруг себя профессионально однородное сообщество (как, например, редакторы «Современных записок»), то, соответственно, они в дальнейшей перспективе служат точками соприкосновения множества других, разнообразных кругов общения.

Рассмотрим на одном примере, как показатель нагрузки узла «работает» в сообществе. До ноября 1925 года Н. Тэффи лишь один раз встречается в КФЖ;⁶⁷ в ноябре 1925 года, как мы видим на рис. 3 на вклейке, писательница появляется в компании Зайцева, Муншака и его жены. Кроме того, она связана с Бахрахом. По-видимому, знакомство Тэффи с Зайцевым и Бахрахом, которые в сети 1925 года обладают высоким показателем нагрузки узла, привело к тому, что писательница попала в самый центр литературного сообщества в декабре 1925 года (см. рис. 4 на вклейке). Отметим, что далее Тэффи регулярно появляется в КФЖ в компании персон, обладающих высокой центральностью и высокой нагрузкой. Более того, к 1927 году сама Тэффи в эмигрантской литературной среде становится персоной с высоким показателем центральности (см. таблицу выше). Таким образом, Бахрах и Зайцев как люди, обладающие высокой нагрузкой в эмигрантском сообществе, обеспечили Тэффи вхождение в центр литературного поля, связав писательницу с его ключевыми людьми.

Вернемся к персонам с высокой нагрузкой узла и обратим внимание на попавших в эту выборку людей, отсутствующих в списках узлов с наибольшей центральностью. Во-первых, в этом списке оказались родственники. В 1922 году в Берлине сестра Ходасевича Е. Ф. Нидермиллер (Женя) была существенным связующим звеном в еще небольшой социальной сети; и хотя впоследствии, в Париже, они продолжали тесно общаться, в другие годы она не попадает в список узлов с самой высокой нагрузкой. В 1924 году в топе находится Валентина Ходасевич (Валя), художница, племянница Ходасевича, которая тоже жила в этом году на вилле Горького в Сорренто. В 1930 году в список входит Ася Берберова, двоюродная сестра Нины Берберовой; она очень много общалась с Ходасевичем на протяжении всей жизни в эмиграции. И хотя при сквозном чтении кажется, что чаще всего встречи происходили наедине или в семейном кругу, такая высокая позиция по нагрузке узла все-таки отражает ее важность для устройства сети (т. е. она не персонаж, всегда находящийся внутри только одного кластера). К началу 1930-х Ася, судя по КФЖ, стала входить в большие компании литераторов. И возникновение большого количества связей (их интенсивность в данном случае не важна) придало ее узлу большую нагрузку.⁶⁸

⁶⁷ 29 сентября 1924 года Ходасевич ее встречает в компании Зайцевых.

⁶⁸ Например, Асю Берберову можно встретить в составе таких компаний, как «Зюзя (<...>, Смоленский, Головина, Горлины, Ася» (25 октября 1936 года), или на вечере памяти Блока

В 1932 году Нина Берберова, оставив Ходасевича, стала заметной в сети. К этому времени она приобрела литературную известность; нет сомнений, что и раньше круг ее знакомств был очень широк, но до расставания Ходасевич записывал ее в КФЖ только изредка (когда она уезжала или возвращалась). В том же году нагруженным становится узел Ольги Марголиной (Оли), скоро ставшей новой женой Ходасевича. Механизм, вероятно, подобен описанному выше в связи с Асей. К изначальному «семейному» набору связей постепенно прибавляется более широкий круг знакомств (часто относящихся к разным сферам жизни), поэтому эти узлы оказываются несущими. То же можно сказать про Марианну Марголину, появляющуюся в нашем списке в 1938 году.

На графовой визуализации видно (рис. 5 на вклейке), что Нина Берберова служит ситуативным (речь идет о социальной ситуации внутри одного месяца) связующим звеном между группой «старших» (Зайцевы, Билибины, Бенау) и группой «младших» (Ю. Мандельштам, Смоленский, Вейдле, Терапиано). Через узел Марианны (Марголиной) проходит связь между двумя крупными кластерами, хотя сама она общается не со всеми их представителями. Наконец, Оля (Ольга Марголина) и Н. В. Макеев соединяют сложно переплетенный «семейный» кластер с группой «старших» издателей (Гукасов, Алданов, Милюков).⁶⁹

Интересно, что в 1931 году нагруженным оказывается узел Я. Е. Поволоцкого, издателя и книготорговца. Визуализация показывает, что через него в этом году проходил путь к отдельному кластеру (Билибин, Анненковы, Авксентьев, Сватиков), поэтому исчезновение узла Поволоцкого из сети привело бы к тому, что эта группа людей отделилась бы от остальной сети.

Как мы видим (см. рис. 6 на вклейке), связь между Поволоцким, Анненковой, Авксентьевым и Билибиным проходит через Сватикова и Анненкова. С помощью КФЖ удастся реконструировать ситуацию возникновения этой связи: историк С. Г. Сватиков упоминается только один раз, в записи от 9 апреля 1931 года: «К Поволоцкому (Анненков, Сватиков)». Запись «К Поволоцкому» часто появляется в КФЖ и, по-видимому, означает, что Ходасевич ходил в книжный магазин или в издательство «Я. Поволоцкий и К°». 9 апреля 1931 года он встретил там Анненкова и Сватикова и зафиксировал это в КФЖ.

Не всегда удастся так отчетливо увидеть на графе, какие группы объединяет узел с большой нагрузкой (в данном случае удачно, что узел Поволоцкого — периферийный). Нагруженные узлы Ольгана (партнера Ходасевича по картам) и Долинского, драматурга, журналиста и приятеля Ходасевича, не так хорошо просматриваются, поскольку находятся в гуще связей (см. рис. 7 на вклейке, кружок в центре), и для интерпретации их места в графе требуется автоматический анализ.

2 февраля 1935 года («Гринберги, Рубинштейны, Цветаева, Смоленские, Мандельштам, Яновский, Нина, Макеев, Зюзя, Алданов, Ася...»). Автоматический поиск узлов с самой высокой нагрузкой, по всей видимости, вывел Асю в 1930 году по довольно малоинформативной причине: исходя из записей в КФЖ за июнь этого года, она оказалась связующим узлом между Маковским и его сестрой Е. К. Маковской, а также Т. Берберовой. Судя по всему, такие случаи (когда без узла два кластера распадутся) в эмигрантском сообществе КФЖ довольно редки — сеть обладает высокой плотностью и не разделяется на отчетливые кластеры. Таким образом, хотя Ася одновременно принадлежала к узкому семейному кругу Ходасевича и посещала мероприятия литераторов (т. е. была одной из точек пересечения этих кругов), высокой нагрузкой в значении теории графов ее узел обладает только ситуативно.

⁶⁹ О. Марголина была племянницей М. Алданова и последней женой Ходасевича (при этом понятно, что автор КФЖ много пересекался с Алдановым задолго до и вне зависимости от общения с Марголиной). Н. В. Макеев, будущий муж Н. Берберовой, судя по восклицательным знакам в КФЖ за этот месяц, поражал Ходасевича своим присутствием в кафе в одной компании то с Р. Осоргиной, то с ее бывшим мужем М. Осоргиным.

Поиск сообществ

Известно, что важнейшей особенностью русской творческой эмиграции было большое количество разнообразных объединений, кружков и еженедельных собраний. Для их возникновения нужна была личная инициатива одного или нескольких человек (см. «Кочевье» М. Слонима, «Зеленую лампу» Гиппиус и Мережковского), а в каких-то случаях формирование «круга» происходило автоматически — благодаря тому, что центральная персона стягивала к себе людей и давала им площадку для жизни и/или работу (так, например, можно воспринимать целую плеяду эмигрантов, сосредоточенную вокруг Горького, или более маленькую группу тех, кто жил в доме Бунина). По последнему принципу, по всей видимости, произошла и концентрация молодых поэтов вокруг Адамовича, который был способен — в отличие от Ходасевича — предоставить им бытовую среду для диалога.

В сетевом анализе существуют алгоритмы, позволяющие по разным принципам извлечь из сети сообщества, наиболее тесно связанные внутри себя части сети (т. е. *кластеры*). Подключая знания об истории общения разных эмигрантов между собой, мы можем сравнивать уже известные факты с реальной внутренней диспозицией, которая представлена в КФЖ.

Наиболее результативным оказалось применение алгоритма, основанного на отсечении структурообразующих ребер с большой нагрузкой (*betweenness*).⁷⁰ С его помощью и благодаря сопоставлению получившихся сообществ с разметкой КФЖ по годам в 1939 году был автоматически выделен кластер «врачи», состоящий из 4 человек (Левен, Адамова, Абрами, Кремер), которые лечили Ходасевича в этот последний год его жизни (см. рис. 8 на вклейке). Даже на общем графе заметно, что в сообществе они находятся близко друг к другу и при этом занимают маргинальную позицию по отношению к остальной сети.

Подобный результат позволяет нам более или менее доверять выбранному алгоритму.

За каждый год программа выделила ряд сообществ, среди которых чаще всего встречаются сообщества «старших». Так, например, в 1930 году алгоритм выделил сообщество, в котором «старшие» составляют 65 %. В него входили следующие участники: Алексеев, Левицкий, Салтыков, Семенов, Лукаш, Е. Миллер, Ренников, Гукасов, Спиридович, Поль, Шатилов, Любимов, Степанов, Чебышев, Роцин, Воинов, М. Кедров, Бобринский, Долинский, Куприн. В этом сообществе присутствуют как люди, связанные с «Возрождением» (владелец газеты — Гукасов, сотрудники Долинский, Семенов, Левицкий, Воинов и Любимов), так и критики и публицисты (Роцин, Чебышев и члены Союза русских писателей и журналистов Ренников и Лукаш). В этом, связанном с «Возрождением», будто бы литературном сообществе встречаются лица, напрямую с литературой не связанные: это генералы (Миллер, Шатилов) и музыканты (Кедров, Поль).

Следует обратить внимание, что в выделенном алгоритмом сообществе встречаются как люди, с которыми Ходасевич виделся регулярно, так и те, кого он за всю свою эмигрантскую жизнь встречал буквально один-два раза (как генералы Миллер и Шатилов, а также оперный певец Кедров). Эта диспропорция подталкивает к тому, чтобы ввести дополнительные фильтры

⁷⁰ Girvan M., Newman M. E. J. Community structure in social and biological networks // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* (PNAS). 2002. № 99. P. 7821—7826. Алгоритм строится на предпосылке, согласно которой ребро, связывающее разные кластеры, обычно обладает высокой нагрузкой. Если убрать такое ребро из сети, то сообщества внутри графа проступят более явно.

для более точного выделения стабильных сообществ. Мы решили ввести ограничение и перед применением алгоритма *betweenness* исключить из годовой сети всех эмигрантов, которых Ходасевич встречал меньше 4 раз в выбранный год. Таким образом, сеть «очистилась» от случайных встреч и контактов. Соответственно, сообщества, которые выделяются алгоритмом на основе такой «очищенной» социальной сети, являются более стабильными и репрезентативными.

Если говорить о немецких годах Ходасевича, то в 1922—1923 годы алгоритм, прежде всего, выделяет два писательских сообщества: одно из них однозначно идентифицируется как «круг Горького» (М. Пешков, Валентина Ходасевич, Ракицкий, Никитин, Шкловский), тогда как второе включает в себя других видных эмигрантов (Белый, Бахрах, Эренбург, Осоргин, Каплун, В. Лурье). Разумеется, такая «поляризация» не означает, что границы сообществ были непроницаемыми: так, например, в 1922 году издатель Гржебин попадает в «группу Горького», а в 1923 году переходит из нее к другим писателям. К сожалению, данные 1924—1925 годы не предоставляют нам возможность говорить о сколь-либо значимых литературных сообществах.

Важнее обратиться к парижским годам Ходасевича. Начиная с 1926 года в каждом году алгоритм стабильно выделяет несколько сообществ. Подавляющее большинство их членов — представители «старших» эмигрантов. В некоторых случаях «старшие» формируют гомогенные группы. Так, например, в 1928 и 1929 годы выделяются, соответственно, сообщество сотрудников газеты «Возрождение» (Маковский, Семенов, Бобринский) и сообщество сотрудников журнала «Современные записки» (Алданов и Алданова, Вишняк и его жена, чета Вольфсонов, Цетлин и его жена, Дон-Аминадо и Фондаминский).⁷¹ Однако в большинстве случаев выделяемые алгоритмом сообщества предстают не настолько гомогенными, и среди его участников, как правило, перемешаны самые разные литераторы и сотрудники эмигрантских изданий. Не ставя своей задачей (в рамках нашей статьи) более детальный разбор системы общения «старших», отметим, что в 1925—1939 годы в поле зрения Ходасевича не существовало — по результатам наших исследований — ни одного стабильного сообщества с закрытыми границами. Иными словами, в конечном счете все «старшие» общались (или в крайнем случае — пересекались) между собой и каждый год имели подвижный круг общения. Так, например, в 1930 году «чистое» сообщество сотрудников «Современных записок» пополняется Буниным, его женой, Г. Кузнецовой, Бахрахом, а также Зензиновым, Зуровым, Макеевым и Муратовым.

Особый интерес представляет сюжет, связанный с вхождением «младших» в эмигрантское литературное поле. Проследим их судьбу по годам.

Среди сообществ 1925 года алгоритм выделил круг «Современных записок», а также отдельное сообщество, состоящее как из близких Ходасевичу людей (гимназический друг Тумаркин и сестра Евгения), так и из молодых литераторов — Н. Оцупа, Д. Кнута, В. Вейдле. В следующем году Кнут и Вейдле оказываются внутри сообщества влиятельных «старших», представленном именами Мережковского, Гиппиус, Вишняка, К. Мочульского. В это же сообщество входят и другие молодые литераторы — А. Ладинский и Бахтин, а также будущий идеолог «парижской ноты» Адамович. Вместе с тем в том же 1926 году алгоритм фиксирует сообщество, состоящее как из

⁷¹ Обратим внимание, что, судя по полученным данным, круг «Современных записок» (во всяком случае в 1929 году) был и семейным кругом, т. е. это сообщество было организовано не только по профессиональному принципу.

«старших» (Цетлин и его жена, С. Познер), так и из «младших» — В. Познер, А. Бахрах, а также Ю. Терапиано.

В 1927 году алгоритм выделяет сообщество, в котором названные выше молодые писатели консолидируются: наряду со «старшими» (Мережковский, Гиппиус, Гиппиус, Бунин, Цетлин, Адамович) в этом сообществе представлены уже упомянутые Кнут, Вейдле, Оцуп, Ладинский, Бахрах, В. Познер, Терапиано, Фельзен, а также «новые» участники — Г. Иванов, И. Одоевцева и В. Фохт.

На данном этапе консолидация молодых сил оказалась нестабильной. Уже в следующем, 1928 году выделяются несколько сообществ, в которых «младшие» расходятся по разным группам. Так, Бахрах наконец «прилепляется» к кругу Бунина и Зайцевых, а Оцуп, Вейдле и Фельзен — к кругу Мережковского и Гиппиус (т. е., по сути, к «Зеленой лампе»).

В сообществах 1929—1931 годов «младшие» в разных пропорциях появляются в сообществах «старших».

Поворотным в истории «младших» оказывается 1932 год. В этом году алгоритм впервые выделяет целое сообщество, состоящее только из молодых литераторов: Бахрах, Ю. Мандельштам, Н. Берберова, Кнут, Фельзен, А. Бибиков, А. Браславский (Булкин), Терапиано, И. Голенищев-Кутузов, Вейдле, Ю. Софиев, В. Смоленский. Очевидно, что выявленная алгоритмом социальная группа отражает сильные изменения в структуре эмигрантского литературного поля, в котором «младшие» становятся все более самостоятельными и начинают играть все более важную роль. Фиксируемое нами изменение нельзя списать на изменение круга общения самого Ходасевича, поскольку в том же 1932 году алгоритм выделяет целый ряд сообществ, состоящих из подавляющего большинства «старших» литераторов (как сообщество, связанное с «Современными записками», так и сообщество, связанное с «Возрождением»).

С 1932 по 1939 год «младшие» стабильно выделяются в отдельные сообщества. При этом важно обратить внимание на то, что молодые литераторы систематически формируют как гомогенные сообщества «младших», так и гетерогенные сообщества, в которых в малом количестве присутствуют ключевые фигуры «старших» литературных деятелей.

Здесь необходимо сделать принципиальную оговорку. Выше мы отмечали, что в 1930-е годы Ходасевич стал интенсивнее общаться с «младшими» литераторами. Из-за этого многие «старшие» литераторы не попали в сообщества 1933—1939 годов — они не смогли преодолеть указанный выше порог в 4 встречи за год. Соответственно, субъективно для Ходасевича «молодые» стали более значимыми игроками в литературном поле, и в эти годы он воспринимал «молодых» литераторов как более или менее сформировавшееся сообщество.

Нам, однако, представляется, что полученные результаты могут описывать и объективное состояние литературного поля в 1933—1939 годы. Для этого стоит не столько проанализировать состав гомогенных сообществ «молодых» литераторов, сколько обратиться к тем случаям, когда сообщество наряду с «молодыми» включает в себя «старших» деятелей культуры. Здесь весьма показательными являются выделенные сообщества 1937 и 1938 годов. Они в каком-то смысле являются зеркальным отражением сообществ 1920-х годов: если раньше «старшие» были разбавлены гомеопатической дозой «младших», то теперь, наоборот, «младшие» формируют костяк сообщества, а «старших» среди них — единицы. Так, в 1937 году алгоритм выделяет достаточно большое сообщество, в котором доминируют «младшие». Это — В. Яновский, Вейдле, Варшавский, П. Ставров, Фельзен, Смолен-

ский, Головина, Берберова, Одоевцева. Вместе с тем в это же сообщество входят Бунин, Адамович, Руднев и Алданов. Сообщество 1938 года устроено похожим образом: в нем количественно доминируют «младшие» и представлены те же «старшие» (за тем исключением, что вместо Бунина в нем фигурируют Долинский и Фондаминский).

Таким образом, мы видим, что в 1930-е годы «младшие» смогли интегрироваться в поле эмигрантской литературы и стать его полноценными участниками. Это в свою очередь позволяет и на материале КФЖ сделать вывод, что мифология «незамеченного поколения» в самом деле является конструктом: КФЖ, очевидно, фиксирует признание «младших». Вместе с тем представляется, что младшее поколение так и не смогло занять доминирующих позиций в литературном поле. Эти позиции все равно оставались занятыми старшими литераторами, которые и формировали эмигрантский литературный процесс.

* * *

В нашей работе предлагается инструментарий для изучения структуры и истории эмиграции первой волны по КФЖ Ходасевича. Специально обработав источник, мы применили к нему сетевой анализ и другие методы, понимающие формализацию данных и количественный подход.

Прежде всего, мы сравнили первичные полученные данные с доступной статистикой, описывающей присутствие эмигрантов русского происхождения в Германии и Франции в 1920—1930-е годы.

Историко-литературные выводы нашей работы касаются, главным образом, взаимодействия «младших» и «старших» литераторов в эмиграции. Статистика, извлеченная из КФЖ, показывает, что Ходасевич много общался с «младшими», и в последние годы жизни поэта «младшие» вокруг него преобладали как в долевом отношении, так и по интенсивности встреч. Пожалуй, здесь уместно говорить о (проигранной) ставке, о литературной стратегии, которая в силу ряда причин оказалась неуспешной. Тем не менее, очевидно, из-за особенностей образа Ходасевича произошло смещение восприятия, и в культуре за ним не закрепился статус «старшего» литератора, активно присутствовавшего в среде «младших». Это место в литературном поле было отведено Адамовичу, которому Ходасевич проиграл сражение за социальную и литературную позицию наставника молодых поэтов.

Возможность визуализировать модель сообщества, а также автоматически искать в сетях кластеры представляет ценным инструментом анализа эмигрантской литературной жизни. Выделение сообществ позволило проследить путь интеграции младших писателей в поле литературы. В этом аспекте КФЖ позволяет подтвердить, что «незамеченность» младших эмигрантов не отражает реального положения дел, а является скорее мифологией: в 1930-е годы «младшие» вполне удачно вписались в литературное эмигрантское сообщество, хотя и не заняли в нем доминирующих позиций.

Обратим внимание, что в статье мы анализировали социальные транзакции старших и младших литераторов внутри сообщества, а не литературные манифестации. Вопрос соотношения манифестов и реальной социальной динамики требует дальнейшего изучения, однако предварительно мы бы хотели обратить внимание на неполное совпадение этих двух областей. Так, например, принято считать, что стремление младшего поколения заявить о себе в литературе на равных правах со «старшими» привело к возникновению журнала «Числа» (первый номер вышел весной 1930 года, последний — летом 1934 года). Однако, по данным КФЖ, реальная социальная

консолидация «младших» произошла позже — в 1932 году. Соотнося эти данные, можно заметить, что не только стремление «младших» ощутить себя реальной поколенческой силой привело к созданию журнала, но и создание журнала определило консолидацию многих представителей младшего поколения (как благодаря своего рода эффекту институционализации, так и под влиянием полемик, связанных с «Числами»). Хорошо известно, что возникновение нового печатного органа почти всегда приводит к изменению силовых раскладов внутри поля литературы (или его сегмента), однако не вполне тривиальным представляется тот факт, что в плоскости ежедневного общения русских эмигрантов изменение социальных кругов происходит спустя два года после «манифестации». Интуитивно ожидаемой представлялась ровно обратная ситуация: сначала «младшие» группируются в более или менее стабильное сообщество и лишь затем издают новый журнал, отражающий их эстетические и мировоззренческие установки.

Наша работа не связана исключительно с историко-литературным материалом. Хотя в частной области изучения русской эмиграции мы отчасти подтверждаем ряд выводов других ученых на новом материале (для опровержения мифологии «старших» и «младших», как и для объяснения роли Ходасевича в эмигрантской среде, КФЖ ранее не привлекался), не менее существенно, что в методологическом плане наше исследование демонстрирует, что цифровые подходы дают значимые и осмысленные результаты, а значит — могут быть применены (конечно, будучи предварительно перенастроенными под нужды и задачи исследователей) к другому материалу, по поводу которого нет однозначных интуитивных гипотез. Иными словами, представляется, что наше исследование позволяет говорить о надежности и целесообразности цифровых методов.

Наконец, с нашей точки зрения, в случае КФЖ компьютерный анализ намного более информативен, чем «ручная» обработка, сообщающая гораздо меньше генерализованной информации об этом документе. Сказанное, конечно, не означает, что КФЖ малоинформативен сам по себе. Однако применение к нему цифровых подходов позволяет источнику сообщить ту историко-литературную информацию, которую он едва ли выдал бы читателю, делающему карандашные пометы на полях опубликованной книги.